Кузнечик

Автор:
Котаро Исака

Кузнечик

Котаро Исака

Tok. Национальный бестселлер. Япония

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭКШЕН-ТРИЛЛЕРА В СТИЛЕ ТАРАНТИНО «ПОЕЗД УБИЙЦ».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЯПОНИИ.

В чудовищном человейнике Токио, занятые каждый своим делом, как кузнечики мечутся по городу четыре почти не связанных между собой человека. Но скоро их связь станет столь очевидной, что разорвать ее сможет только смерть…

Судзуки – бывший школьный учитель, одержимый жаждой мести за убийство жены. С этой целью он проник в мир якудза. Но что может человек, не способный раздавить даже букашку?

Хиёко – помощница главаря якудза. Хитрая бестия подыскивает для Судзуки такое задание, которое определит: либо он с ними, либо он труп.

Цикада – наемный убийца без нервов и морали. Именно ему поручают самые грязные преступления. Гораздо выше людей этот психопат ценит… устриц, живущих у него в аквариуме.

Кит – специалист экстра-класса, вынуждающий людей кончать жизнь самоубийством. Или он шизофреник, или и вправду способен видеть призраков своих жертв и разговаривать с ними.

А пока… сын главаря якудза погибает под колесами машины, куда его толкнул легендарный наемник по кличке Толкатель. И этот Толкатель по разным

причинам становится крайне нужен всем четверым. И тогда они начинают неумолимо двигаться навстречу друг другу и своей судьбе…

Котаро Исака

Кузнечик

Kotaro Isaka

GRASSHOPPER

Originally published in Japanese as Grasshopper by Kadokawa Corporation © 2004 Kotaro Isaka / CTB Inc. All rights reserved.

Russian translation rights arranged through CTB Inc.

© Григорян А.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2023

Судзуки

Глядя на город, Судзуки думает о насекомых. Хотя сейчас ночь, город залит светом, в котором суетятся люди. Куда ни посмотри, всюду одни только люди, копошащиеся в сиянии ярких неоновых фонарей подобно ярко и кричаще окрашенным насекомым. Это тревожит Судзуки, и он вспоминает слова своего университетского профессора, которые он слышал больше десяти лет назад, будучи студентом. «Большинство животных не живут бок о бок в таких огромных количествах. Человеческие существа похожи не столько на других млекопитающих, сколько на насекомых, – с гордостью заключил тот профессор. – Они подобны муравьям или саранче». – «Пингвины живут тесными

группами, я видел на фотографиях. Разве пингвины тоже похожи на насекомых?» – без тени раздражения спросил тогда Судзуки. «Да забудь ты о пингвинах!» – рявкнул профессор, мгновенно покраснев до корней волос.

Судзуки вспоминает, что профессор вел себя настолько не по-взрослому, что это казалось трогательным и очаровывало, и Судзуки самому захотелось стать именно таким взрослым.

Затем безо всякой причины в его голове возникает образ жены, умершей два года назад. Потому что она тоже очень любила, когда он рассказывал ей о том случае с профессором. «В то время тебе следовало отвечать только: “Вы совершенно правы, сэнсэй”, и все было бы в порядке», – часто повторяла она.

Действительно, всякий раз, когда Судзуки соглашался с ней со словами: «Ты совершенно права, дорогая», у нее улучшалось настроение.

* * *

– Чего ты ждешь? В машину его!

Услышав позади поторапливающий окрик Хиёко, Судзуки вздрагивает. Встряхивает головой, отгоняя воспоминания о своей умершей жене, и толкает находящееся перед ним тело молодого парня вперед. Тот валится на заднее сиденье седана. Высокий, со светлыми волосами. Он без сознания. На нем короткая черная кожаная куртка, надетая поверх черной футболки. На футболке – мелкий рисунок, изображающий насекомых. Неприятный рисунок. Что футболка, что парень – одинаково неприятные. Сразу за ним, на заднем сиденье с другой стороны, находится девушка. Ее тоже запихнул в машину Судзуки – как говорится, «пройдя четыре и восемь буддийских страданий». Длинные черные волосы, желтое пальто, на вид ей чуть за двадцать. Откинувшись назад на сиденье, она спит. Ее глаза закрыты, а рот слегка приоткрыт.

Судзуки сгибает парню ноги, чтобы они поместились в машину, и закрывает дверь.

– Залезай, – говорит Хиёко.

Судзуки открывает дверь со стороны пассажирского сиденья и садится внутрь.

Машина припаркована возле самого северного выхода станции метро «Фудзисава-Конготё». Перед ними находится большой перекресток с оживленным пешеходным переходом.

Будний день, половина одиннадцатого вечера, но в такой близости от станции «Синдзюку» в ночное время более людно, чем днем, так что район буквально переполнен куда-то спешащими людьми. Примерно половина из них пьяны.

– Разве это не было проще простого? – Хиёко старается говорить хладнокровно.

Ее белая кожа глянцево поблескивает, подобно фарфору, тело словно плывет в темноте салона. Коротко подстриженные каштановые волосы касаются кончиков ушей. Из-за чего-то выражение ее лица кажется холодным – возможно, все дело в азиатском разрезе глаз с отсутствием складки верхнего века. На ее губах – притягивающая внимание ярко-красная помада. Белая блуза расстегнута до середины груди, юбка не прикрывает колени. Судзуки слышал, что ей под тридцать, как и ему, но она часто демонстрирует хитрость, которую можно было бы ждать от кого-то намного старше нее. Хиёко выглядит как обычная веселая тусовщица, но Судзуки подозревает, что в действительности она проницательна и хорошо образованна. На ее ноге, удерживающей педаль тормоза, черная туфля на высоком каблуке. «Да уж, и как она в этом может водить?..» – часто думает он.

– Просто это было или нет, я только засунул их в машину. – Судзуки хмурится. – Я только перенес двух этих бессознательных людей и положил их на заднее сиденье.

«Больше на мне никакой ответственности», – вот что он имел в виду.

– Если тебя от таких вещей передергивает, то далеко ты не пойдешь. Твой испытательный срок скоро заканчивается, так что лучше бы тебе привыкнуть к подобной работе. Хотя, конечно, ты вряд ли мог себе представить, что будешь заниматься похищениями парней и девчонок, верно?

– Да уж, конечно. – Хотя правда в том, что Судзуки вовсе не был так уж сильно удивлен. Он с самого начала не предполагал, что его работодатель занимается

легальным бизнесом. – Кажется, «фройляйн» значит на немецком языке «рэйдзё»[1 - В романе К.?Исаки «Поезд убийц» компания Тэрахары называлась именно «Рэйдзё». – Здесь и далее прим. пер.], «барышня»?

– А ты разбираешься… Вроде Тэрахара лично придумал название компании.

Когда она произносит это имя, все тело Судзуки сковывает спазм.

– Отец? – уточняет он, имея в виду президента компании.

– Разумеется. Этот его идиот сын никогда не смог бы придумать название фирме.

Перед внутренним взором Судзуки на мгновение возникает образ его умершей жены, и его охватывает ураган эмоций. Он берет себя в руки и делает вид, что совершенно спокоен. Этот сын-идиот, сын Тэрахары… всякий раз, когда Судзуки думает о нем, он едва может сдерживаться.

– Просто я никогда бы не мог подумать, что компания с подобным названием – «Барышня» – может охотиться за молодыми женщинами, – как-то справившись с собой, произносит он. – Это ведь довольно странно.

Хиёко, возможно, того же возраста, что и Судзуки, но она уже долгое время работает в компании, благодаря чему занимает в ней руководящую должность. Вот уже в течение месяца с того момента, как Судзуки заключил с «Фройляйн» договор, Хиёко в качестве старшего сотрудника занимается его обучением.

Что же до его работы, то весь этот месяц Судзуки только и занимался тем, что стоял в торговых аркадах на станциях, пытаясь заговорить с проходившими мимо женщинами.

Он дежурил в самых оживленных точках, завлекающим голосом обращаясь к каждой проходящей мимо женщине. Они могли говорить ему «нет», они могли не обращать на него внимания, они могли посылать его куда подальше, но он все равно продолжал свои попытки. Практически абсолютное большинство женщин просто проходили мимо. Это никак не зависело от формы его обращения, от его старания, техники или умений. На их лицах появлялись

гримасы отвращения, они смотрели на него настороженно, они избегали его, но он все равно продолжал окликать каждую проходившую мимо женщину.

Обычно за день попадалась одна – возможно, одна из тысячи, демонстрировавшая интерес. Судзуки отводил ее в кафе и рассказывал о косметических продуктах и диетических напитках. У него была шаблонная фраза для начала: «Вы не увидите эффект сразу же, но в течение месяца обнаружите разительные перемены». Он импровизировал, говоря то, что казалось ему наиболее подходящим, затем показывал ей рекламные буклеты. Они были цветные, полные графиков и таблиц, но ни одно написанное в них слово не было правдой.

Доверчивые женщины то и дело согласно вздыхали, рассматривая буклеты, и сразу же подписывали договор. Наиболее осторожные уходили, сказав: «Я подумаю». Если он чувствовал, что в этом «подумаю» все еще оставалась надежда удержать ее, то следовал за ней. После этого в дело вступала другая группа, гораздо более настойчивая, и начинала свои незаконные домогательства. Они приходили к женщине домой и отказывались уйти, устанавливали за ней постоянную слежку, пока она наконец не сдавалась и не подписывала соглашение. По крайней мере, так Судзуки это себе представлял. Однако эта часть работы все еще оставалась для него в области слухов.

– Что ж, ты с нами уже целый месяц. Может, тебя пора перевести на следующий уровень? – сказала ему Хиёко примерно час назад.

– На следующий уровень?

– Ты же не планировал провести целую вечность, кадря женщин на улице?

– Ну, я бы сказал… – ответил он расплывчато, – вечность – это довольно долго.

– Сегодня работа будет отличаться. Когда ты заманишь кого-нибудь в кафе, я пойду с тобой.

– Это не так-то просто – заставить кого-то тебя слушать, – сказал Судзуки с вымученной улыбкой, вспоминая месяц своего опыта.

Однако, к счастью или к несчастью, в течение следующих тридцати минут он нашел сразу двоих человек, готовых его выслушать. Это были парень и девушка, теперь распростертые на заднем сиденье автомобиля.

Девушка заинтересовалась первой.

– Эй, если б я еще немного похудела, могла бы я стать моделью, как считаешь? – беззаботно спросила она у парня.

– Конечно, детка, ты могла бы стать моделью, без вопросов. Ты с легкостью могла бы стать супермоделью, – ответил он ободряюще.

Судзуки подозвал Хиёко, отвел пару в кафе и, как обычно, начал рассказывать им о продуктах. То ли они были очень доверчивыми, то ли им не хватало ума и опыта, но молодые люди почти комично соглашались со всем, что втирали им Судзуки и Хиёко. Их глаза сияли в ответ на малейшую похвалу, и они с энтузиазмом кивали, рассматривая данные из буклетов, ни единая цифра в которых не соответствовала действительности.

Глядя на такое отсутствие всякой осторожности и скептицизма, Судзуки обеспокоился за их будущее. На него нахлынули воспоминания о его учениках из тех времен, когда он был школьным учителем. Это было два года назад. Почему-то первым, кто пришел ему на ум, был один ученик, отличавшийся дурным поведением. Ему вспомнилась одна вещь, которую сказал тот мальчик: «Вот видите, сэнсэй, я тоже могу сделать что-то хорошее». Он учился в последнем классе, который вел Судзуки. Во время занятий он все время злословил и выпендривался, и одноклассники его терпеть не могли, но однажды он поразил всех, поймав воришку-карманника в торговом центре. «Я тоже могу сделать что-то хорошее», – сказал он Судзуки, и в его улыбке смешались гордость и смущение. Затем добавил: «Пожалуйста, не списывайте меня со счетов, учитель». В тот момент он выглядел как младшеклассник.

«Вот оно как…» – подумал Судзуки. Сидевший перед ним парень, листавший рекламный буклет, парень с рябым лицом, покрытым шрамиками от акне, почему-то напомнил ему того ученика. Они точно никогда не встречались раньше, но сходство было поразительное.

Хиёко поднялась с места, чтобы заказать еще кофе. Судзуки заметил, что, стоя у кассы, она сделала едва заметное движение пальцами над чашками: подсыпала в кофе лекарство.

Вскоре глаза парня и девушки затуманились, и они оба начали покачиваться, будто плыли на лодке.

Девушка сказала:

– Они называют меня Жёлтой, а его – Чёрным. Это прозвища, просто прозвища. Вот поэтому я ношу желтое пальто, а он – все черное. – Затем она пробормотала: – Эй, меня что-то в сон клонит…

Ее голова упала на грудь. Сидящий рядом с ней парень произнес неразборчиво:

– Это да, но у меня светлые волосы, а у тебя черные… что это за… – С этими словами он тоже уснул.

– Ну что, давай их в машину, – сказала Хиёко.

* * *

– В зависимости от того, как мы их используем, эти два юных дурачка принесут нам неплохие деньги, – говорит она устало.

«Ты бы сделала то же самое с моими учениками?» Судзуки не позволяет себе произнести это вслух.

– Мы… просто остаемся здесь?

– В обычной ситуации мы бы уже ушли, – ее голос становится жестче. – Но сегодня – другое дело.

Его охватывает отвратительное предчувствие, по позвоночнику пробегает холодок.

– Другое дело?

– Я должна проверить тебя.

– Что ты хочешь проверить? – Голос Судзуки немного дрожит.

– Мы тебе не доверяем.

– Вы мне не доверяете? – Он сглатывает слюну. – Но почему?

– Если ты спросишь меня, что в тебе подозрительного, то я тебе скажу, что этого предостаточно. Ты из кожи вон лез, чтобы быть принятым в нашу компанию. А ты кажешься очень правильным парнем. Серьезным. Чем ты занимался до того, как пришел к нам?

– Я был учителем, – отвечает Судзуки. Он не видит необходимости в том, чтобы это скрывать. – Работал в средней школе. Преподавал математику.

– Ага. Именно так ты и выглядишь. Потому-то мы и не доверяли тебе с самого начала. У тебя неправильная аура. Учитель математики из средней школы, который бросает свою работу, чтобы поступить в компанию вроде нашей – занимающуюся тем, что обманывает молодых людей, – разве бывают такие школьные учителя?

– Бывают или не бывают, но, по крайней мере, я такой.

– Говорю тебе, такого просто не может быть.

Она права. Конечно, такого не может быть. Никогда.

– Тебя, может, это и не коснулось, но сейчас, вообще-то, экономический спад и трудно найти подходящую работу. Так что когда я узнал о компании «Фройляйн», набирающей сотрудников по контракту, то сразу подал заявление.

– Вранье.

– Я говорю правду.

Нет, это было вранье, как она и сказала. Судзуки вовсе не случайно нашел компанию «Фройляйн». Он их искал. Он понимает, что его дыхание учащается и становится затрудненным. Грудь его лихорадочно поднимается и опускается. «Это не обычный разговор. Это допрос».

Он смотрит в окно. Слева от них перед фонтаном возле отеля собрались молодые люди. Еще только начало ноября, но на деревьях, высаженных вдоль тротуаров, и на вывесках на зданиях уже развешаны рождественские украшения. Воздух наполняет шум автомобильных сигналов и приятно смеющихся женских голосов, смешивающийся с клубами сигаретного дыма.

– Я уверена, ты знал о том, что мы не особенно порядочная компания, но известно ли тебе, насколько мы непорядочные?

– Насколько… я затрудняюсь ответить на этот вопрос, – говорит Судзуки с вымученной ухмылкой, встряхивая головой. – Я могу только вообразить…

– У тебя отличное воображение. Начинай.

– Ну, я подумал, что, возможно, те вещи, которые я рекламирую и пытаюсь продать, – это вовсе не продукты для здоровья, а что-то другое. Препараты, которые вызывают зависимость… какое там твое любимое слово…

– Что-то нелегальное?

– Да, оно самое.

В течение последнего месяца он встречал нескольких женщин, которые использовали продукты бренда «Фройляйн». Все они были нервными, с налитыми кровью глазами. Многие из них с необыкновенной настойчивостью просили его как можно скорее прислать им больше продукта. Кожа у них была сухой и потрескавшейся, в горле болезненно першило, так что им трудно было говорить. Скорее можно было предположить, что они были не на диете, а подсели на наркотики.

– Верно, – цвет лица Хиёко нисколько не меняется.

«Она как будто пытается сбить меня с толку…» Судзуки морщится.

– Но разве это эффективно – подлавливать людей на улице, как это делаем мы? Это все равно что рыбачить с помощью удочки вместо сети… я хочу сказать, что соотношение усилий и результата так себе.

– Не беспокойся на этот счет. Мы выжимаем их до последнего.

– До последнего?

– Например, проводим семинары красоты на больших площадках, приглашаем множество девушек. Это как большая распродажа, и мы сбываем там большие объемы продукта.

– И они покупаются на это?

– Большая часть женщин, которые приходят на такие семинары, – это сакуры. Мы их так называем. Подставные люди. Если приходит пятьдесят человек, сорок из них – от нас, и они устраивают ажиотаж, начиная скупать наши продукты.

– Вот так вы и завлекаете новых людей?

Он слышал о подобных коррупционных схемах от старших.

– Ты знаешь что-нибудь про Актеров?

– Актеров? Которые играют в театре?

– Не об этих. Об Актерах, работающих в нашей индустрии.

Судзуки понимает, что Хиёко подразумевает под «нашей индустрией». Людей, занимающихся противозаконными делами. Чем глубже он вникает в суть всего этого, тем более комичным оно ему кажется, но, вероятно, все в криминальном мире называют себя и своих коллег какими-нибудь эксцентричными

прозвищами.

– Есть группа, называемая Актерами. Я не знаю, сколько их на самом деле, но среди них есть все типы исполнителей. Ты можешь нанять их для того, чтобы сыграть практически любую роль. Ты же слышал о той давнишней истории, когда в боулинг-клубе в Йокогаме был убит чиновник из Министерства иностранных дел?

– Этого не было ни в одном учебнике из тех, что я читал.

– Все люди, которые находились в тот день в боулинг-клубе, были Актерами. Они все как один были замешаны в преступлении. Но никто из официальных лиц так ничего и не узнал.

– И?..

– Мы тоже их нанимаем, чтобы они приходили на наши мероприятия. Сакуры очень помогают, так что мы всегда их зовем.

– Так значит, люди в нашей индустрии работают сообща?

– Ну, иногда возникают трения…

– Трения?

– Когда речь идет об оплате работы, всегда могут быть сложности. Кто кому заплатил, кто кому не заплатил…

– Ну да, – не особенно заинтересованно произносит Судзуки, чтобы поддержать разговор.

– А потом, есть еще бизнес по продаже органов.

– Извини, что?

– Сердца, – говорит Хиёко так, будто говорит об искусственных органах, – почки.

Она нажимает на кнопку климат-контроля и прибавляет температуру в салоне, поворачивая ручку вправо.

– А-а, ты об этих органах… – Судзуки изо всех сил старается выглядеть спокойным.

«Да, внутренние органы; конечно, так я и знал».

– Тебе известно, сколько людей в Японии ждут трансплантатов? Их очень много. А значит, на этом можно сделать бизнес. Весьма прибыльный бизнес.

– Я, возможно, слабо все это себе представляю, но практически уверен, что в Японии не разрешается самостоятельно покупать и продавать внутренние органы.

– Я представляю это точно так же.

– Но тогда ты не можешь работать в компании, которая занимается подобным.

– Это не проблема.

– Почему?

Хиёко переходит на ласково-снисходительный тон, как будто она объясняет устройство мира наивному студенту:

– Скажем, например, некоторое время назад обанкротился какой-нибудь банк…

– Какой-нибудь банк.

– Но в конце концов он был спасен вложением в несколько триллионов иен.

– И что дальше?

– Или возьмем другой пример – страхование занятости, за которое платят все сотрудники компании. Ты знаешь о том, что несколько сотен миллиардов иен

таких взносов были использованы на бессмысленные строительные проекты?

– Возможно, я слышал об этом в новостях.

– Здания, которые никому не были нужны, стоившие сотни миллиардов и так никогда и не окупившие затрат на их постройку. Звучит странно, не правда ли? А потом они заявляют, что фонд страхования занятости не располагает необходимыми средствами. Это тебя разве не бесит?

– Да, бесит, конечно.

– Однако ответственный за эту бессмысленную растрату уходит безнаказанным. Они могут выбрасывать на ветер сотни миллиардов иен, триллионы налогов и не иметь из-за этого никаких неприятностей. И не только это! Они еще и получают солидную прибавку к пенсии, когда складывают с себя полномочия. Свободные как ветер и обеспеченные до конца своих дней. Это безумие. А ты понимаешь, как так выходит?

– Потому что японские граждане такие добрые и все прощают?

– Потому что люди в верхах заключили молчаливое согласие, – Хиёко поднимает вверх указательный палец. – Жизнь не имеет ничего общего с тем, что хорошо и что плохо. Люди, обладающие властью, сами создают правила. Так что, если они защищают твои интересы, у тебя не будет проблем. Вот так обстоят дела с Тэрахарой. Между ним и политиками налажена система взаиморасчетов. Они работают вместе, как если бы участвовали в «беге на трех ногах», то есть они практически неразделимы. Если политик говорит: «Этот тип мне мешает», Тэрахара с ним разбирается. В обмен на это политики никогда не трогают Тэрахару.

– Я никогда не встречал президента компании.

Хиёко настраивает угол обзора зеркала заднего вида и касается своих ресниц. Затем искоса смотрит на Судзуки, пригвождая его к месту.

– Ну да, зато у тебя есть дела с его сыном-идиотом.

По телу Судзуки пробегает дрожь, как если б стрела попала ему в самое нутро.

– У меня есть дела с сыном господина Тэрахары? – произносит он бесцветным голосом, с трудом выдавливая из себя слова.

– И тут мы возвращаемся к началу нашего разговора, – ее палец описывает в воздухе маленькую окружность. – Мы тебе не доверяем. – Ее голос звучит так, будто она получает удовольствие от их беседы. – Знаешь, я все собираюсь и забываю тебя спросить – ты женат?

У него есть кольцо на безымянном пальце левой руки – это очевидно.

– Нет, – отвечает он. – Не женат. Был женат в прошлом.

– Но ты все еще носишь кольцо.

– Я набрал вес и теперь не могу его снять.

Это тоже вранье. Уж что-что, а его обручальное кольцо поворачивается на пальце свободно. Он, наоборот, похудел с тех пор, как был женат. Он все время беспокоится, что кольцо может соскользнуть с пальца и потеряться, просто когда он идет по улице.

«Не потеряй свое кольцо, – когда-то говорила его жена с торжественной серьезностью. – Это символ нашей с тобой связи. Пожалуйста, вспоминай меня всякий раз, когда смотришь на него». Если он потеряет его, жена будет в ярости – несмотря на то, что сейчас она уже мертва.

– Хочешь, я попробую угадать? – Глаза Хиёко сверкают.

– Это не телевикторина.

– Я думаю, что твоя жена погибла из-за идиота-сына Тэрахары.

«Как ей удалось…»

Он борется с собой, чтобы сохранять спокойствие. Это становится невыносимым. Его взгляд вот-вот начнет метаться как безумный. Его горло вот-вот начнет нервно сглатывать. Его брови вот-вот задрожат. Его уши вот-вот зальются краской. Его паника готова вырваться в ближайшее мгновение из каждой мельчайшей поры его тела. Судзуки представляет свою жену, раздавленную между внедорожником и телеграфным столбом. Он собирает волю в кулак и напрягает мышцы брюшного пресса, пытаясь вытеснить это воспоминание.

– Зачем сыну господина Тэрахары было убивать мою жену?

– Убийство безо всякой причины – обычный идиотский поступок этого кретина. – Выражение лица Хиёко говорит Судзуки, что она ожидает от него осведомленности в данном вопросе. – Он повсюду устраивает неприятности и доставляет беспокойство. То и дело угоняет среди ночи машины и устраивает гонки на улицах города. Напивается, сбивает людей… Как говорится, круглый год без выходных.

– Это ужасно, – Судзуки старается не допустить в свой голос никаких эмоций, – просто ужасно.

– Не так ли? Такое трудно простить. Ну, так как погибла твоя жена?

– С чего ты взяла, что она погибла?

Он снова представляет тело своей жены, раздавленное внедорожником. Он думал, что это воспоминание поблекло со временем, но оно с легкостью воскресает перед его мысленным взором, яркое и отчетливое, как будто все случилось только вчера. Вся в крови, сломанный нос, раздробленные плечи, вывернутые суставы. Судзуки стоял там, не в силах двинуться с места, словно его ноги приросли к асфальту, когда эксперт-криминалист средних лет, внимательно осматривавший место происшествия, поднялся на ноги и пробормотал, словно обращаясь к самому себе: «Он даже не пытался затормозить – выглядит так, будто он, наоборот, прибавил скорость. Ну и дела…»

– Разве ее не машина сбила?

«В яблочко, Хиёко. Именно так это и произошло».

– Не выдумывай.

– Насколько я помню, два года назад идиот-сын Тэрахары сбил женщину, чья фамилия была Судзуки.

Это тоже было абсолютной истиной.

– Глупости.

– Да ладно, это чистая правда. Этот идиот все время похваляется своими подвигами. Что бы ни натворил, он никогда не несет за это ответственности. А знаешь, почему?

– Не представляю.

– Потому что он всеобщий любимчик, – Хиёко приподнимает бровь. – Ему покровительствует его отец и политики.

– Как в той теории о налогах и страховании занятости, о которой ты говорила?

– Да-да. И ты ведь в курсе того, что у него не было никаких неприятностей после того, как он убил твою жену. Ты ведь следил за ходом расследования. И выяснил, что он работает в руководстве компании своего отца. Ты разузнал про «Фройляйн». Потому-то ты и нанялся к нам сотрудником по контракту, – словно цитируя их по памяти, Хиёко перечисляет факты. – Разве не так?

– Зачем бы я стал все это делать?

– Потому что ты жаждешь мести, – говорит она так, словно это совершенно очевидно и не требует никаких дальнейших доказательств. – Ты выжидаешь удобный момент, чтобы добраться до этого идиота-сына. Потому-то и застрял у нас на целый месяц. Потому-то и прилагаешь все усилия, чтобы остаться в компании. Я ошибаюсь?

Опять в яблочко.

– Это беспочвенные обвинения.

– И поэтому, – продолжает она, и уголки ее красных губ немного приподнимаются, – поэтому ты в настоящее время под подозрением.

За ее плечом мигают яркие огни вывесок магазинов. Зажигаются и гаснут.

У Судзуки перехватывает горло. Он с трудом сглатывает.

– Поэтому вчера я получила специальные инструкции.

– Инструкции?

– Я должна выяснить, работаешь ли ты на компанию как обычный сотрудник или ищешь мести. Нашей компании постоянно требуются тупые наемники, но мы точно не нуждаемся в умных парнях, одержимых жаждой вендетты.

Судзуки ничего не отвечает, и на губах его сама собой появляется вежливая улыбка.

– Да, и кстати – ты не первый.

– В смысле?

– Были и другие вроде тебя, кто нанялся на работу в компанию, чтобы добраться до Тэрахары и его сына-идиота и отомстить им. Несколько человек. Мы уже привыкли разбираться с подобным. Мы позволяем человеку проработать у нас месяц – и в течение этого времени глаз с него не спускаем. И если что-то все равно кажется подозрительным, мы его испытываем, – Хиёко пожимает плечами. – Как тебя сегодня.

– Насчет меня вы ошибаетесь. – Произнося эти слова, Судзуки чувствует, как его охватывает глубокая безнадежность.

От мысли о том, что были и другие до него, которые пытались сделать то же самое, у него темнеет в глазах. Месяц работы на подозрительную компанию вроде «Фройляйн», продажа молодым женщинам наркотиков – он ни капли не

сомневался в том, что это были наркотики, – все это было ради того, чтобы он мог отомстить за свою жену. Судзуки убеждал себя в том, что женщины, покупавшие косметику и диетические напитки, сами должны были быть осмотрительнее, что излишняя доверчивость – зло, пытался заглушить свое чувство вины, отодвинуть в сторону свой страх, скрыть от самого себя неприглядные факты, сосредоточиться исключительно на своем плане.

Но теперь он обнаружил, что его миссия – это повторение, повторение повторения, что он второй или третий на этом пути, и земля уходит у него из-под ног. Он чувствует себя рассыпавшимся, бессильным, потерянным в темноте.

– У нас нет другого выхода, кроме как испытать тебя. Выяснить, действительно ли ты заинтересован в работе с нами.

– Я уверен, что смогу оправдать твои ожидания. – Говоря это, Судзуки понимает, что его голос звучит тихо и жалко.

– В таком случае, – говорит Хиёко, показывая большим пальцем левой руки на заднее сиденье, – почему бы тебе не попробовать убить этих двоих? Просто какой-то парень, какая-то девчонка, не имеющие к тебе никакого отношения…

Судзуки боязливо оборачивается, чтобы посмотреть назад через проем между передними сиденьями.

– Почему я?

– Чтобы все подозрения рассеялись, конечно же.

– Не думаю, что это что-то докажет.

– К чему вообще доказательства? Наши методы работы предельно просты. Мотивы, подозрения, доказательства – все это нас не волнует. У нас есть некоторые простые правила и формальности. Сечешь? Так что если ты убиваешь этих двоих прямо здесь, прямо сейчас, то становишься нашим настоящим компаньоном.

– Настоящим компаньоном?

– Нашим накама – считай, приятелем. Так что тебе больше не нужен будет никакой контракт.

– Но зачем подвергать меня подобному?

Двигатель машины выключен, в салоне тихо. Судзуки ощущает вибрацию, но тотчас понимает, что это – биение его собственного сердца. С каждым вздохом его тело как будто поднимается и с силой падает вниз, и лихорадочные сокращения его грудной клетки, передаваясь сиденью, сотрясают всю машину. Он тяжело дышит. Запах кожаной обивки сидений врывается в его ноздри.

В оцепенении он вновь поворачивает голову и смотрит сквозь ветровое стекло. Зеленый сигнал светофора на пешеходном переходе начинает мигать. Все происходит как в замедленной съемке. Кажется, он никогда не переключится на красный.

«Сколько еще он будет мигать?»

* * *

– Все, что тебе нужно сделать, – это пристрелить этих двоих из пистолета, и наш вопрос будет решен.

Ее голос возвращает его обратно в реальность.

– Но какой смысл их убивать?

– Ну-у… мы можем вырезать у них внутренние органы и продать. А из девчонки можно сделать окимоно.

– О… окимоно?

– Ну да, украшение для стенной ниши. Если отрезать ей руки и ноги, конечно.

Непонятно, какова в ее словах доля шутки.

– Ну так что? Сделаешь? Вот и пушка, господин, к вашим услугам. – Преувеличенно вежливые слова Хиёко звучат издевательски, когда она вытаскивает из-под своего сиденья неброский инструмент. Затем направляет его Судзуки в грудь: – А если попытаешься сбежать, я тебя пристрелю.

«Кто бы сомневался…» Судзуки застывает. Грубая, очевидная реальность направленного на него пистолета лишает его способности двигаться. Как будто кто-то неотрывно смотрит на него из черной глубины дула, пригвождая к месту. Палец Хиёко замер на спусковом крючке. «Все, что ей нужно сделать, – это согнуть палец, приложить совсем небольшое усилие, и пуля насквозь пробьет мою грудную клетку». Само понимание того, насколько это будет просто, иссушает кровь в его жилах.

– С помощью этого пистолета ты убьешь ребят на заднем сиденье.

– Что, если, – начинает он, боясь даже движения собственных губ, – что, если ты дашь мне пистолет, а я вместо этого направлю его на тебя? Что тогда? Чисто гипотетический вопрос.

Хиёко не удивлена. В ее взгляде читается жалость.

– Я не собираюсь давать тебе пистолет прямо сейчас. Сюда едет еще один сотрудник компании. Как только он будет здесь, я дам тебе пистолет. Тогда ты не наделаешь глупостей.

– Кто должен приехать?

Буднично, словно в этом нет ничего необычного, она говорит:

– Сын-идиот. Скоро он будет здесь.

Все тело Судзуки напрягается. Он ни о чем не может думать.

Хиёко перекладывает пистолет в левую руку, правой рукой указывает на ветровое стекло и постукивает по нему кончиком пальца.

– Идиот должен появиться оттуда и перейти перекресток.

– Тэрахара? – В голове Судзуки как будто происходит взрыв, и его чувства кружатся, разорванные в клочья. – Тэрахара там?

– Не господин Тэрахара. Его сын. Вы двое еще официально не встречались, не так ли? Что ж, теперь встретитесь. Какой удобный случай! Ублюдок, который убил твою жену, с минуты на минуту будет здесь.

Хиёко произносит имя сына Тэрахары, но Судзуки пропускает его мимо ушей. Может быть, потому, что он не хочет признавать сына Тэрахары как человека из плоти и крови.

– Что он собирается сделать?

– Я же сказала, он хочет взглянуть на тебя собственными глазами и посмотреть, что ты будешь делать. Когда мы проверяем людей, он всегда присутствует лично.

– Скверное увлечение.

– О, а ты не знал?

Судзуки не может подыскать правильные слова. Усилием воли он заставляет себя посмотреть сквозь ветровое стекло. Пешеходный переход огромного четырехстороннего перекрестка совсем близко. Толпа людей, ожидающих переключения сигнала, собралась там словно для того, чтобы посмотреть на безбрежный океанский простор.

В его памяти вновь всплывают слова профессора. «В точности, как рой насекомых…»

– А вот и он. Сын-идиот, – весело сообщает Хиёко, указывая пальцем.

Судзуки резко выпрямляется и вытягивает шею, чтобы посмотреть. Справа наискосок от них, на пешеходном переходе виднеется фигура человека в черном кожаном пальто. На вид ему лет двадцать с небольшим, но черное пальто, накинутое поверх делового костюма, придает ему внушительности. Он неприязненно кривит лицо, затягиваясь сигаретой.

Хиёко берется за ручку двери.

– Этот идиот вообще нас заметил?.. – Не успев закончить свою фразу, она выходит из машины – пистолет все еще у нее в руке. Другой рукой она машет сыну Тэрахары.

Судзуки тоже выходит из машины. Сын Тэрахары от них всего в нескольких десятках метров.

Он вспоминает излюбленное выражение его жены: «Ты просто должен это сделать». Какая бы ни была ситуация, она похлопывала Судзуки по плечу и произносила эту фразу. Если перед тобой дверь, ты должен ее открыть. Если ты открыл ее, нужно попробовать зайти. Если ты встретишь за дверью человека, нужно заговорить с ним, а если кто-то накрывает на стол, ты должен попробовать угощение. «Когда тебе представляется удобный случай, ты должен им воспользоваться». Она всегда так легко это говорила. А еще, сидя в интернете, говорила: «Что ж, я просто должна кликнуть по этой ссылке», и действительно кликала по каждой ссылке, всплывающей на экране, из-за чего ее компьютер всегда был полон вирусов.

Вот он, сын Тэрахары, – прямо перед ним. От него исходит аура заносчивости и дерзости, которая как бы расчищает перед ним путь. У него широкие плечи и прямая спина. Он высокий и даже привлекательный, как актер театра кабуки, исполняющий романтические роли. Не отдавая себе в этом отчета, Судзуки подается вперед. Прищурившись, он фиксирует младшего Тэрахару взглядом. Его зрение приближает лицо молодого человека, как зум фотокамеры.

Густые брови, в изгибе которых буквально ощущается жизненная энергия, прорези ноздрей курносого носа. Зажатая в губах сигарета. Она догорает, окурок летит на землю, катится по асфальту. Судзуки видит, как правый каблук раздавливает окурок одним уверенным точным движением. В его сознании эта выброшенная раздавленная сигарета накладывается на образ его жены. В вырезе пальто виднеется дорогой и безвкусный красный галстук.

Судзуки представляет, что произойдет дальше. Включится зеленый сигнал светофора. Сын Тэрахары перейдет дорогу. Он окажется прямо перед Судзуки. Как только Судзуки получит пистолет от Хиёко, он направит его на сына Тэрахары. Может быть, это не сработает, – возможно, эта затея с самого начала

обречена на провал, но у него нет другого выбора. «Если у меня есть шанс, я должен им воспользоваться. Я просто должен это сделать. Как ты всегда мне говорила…»

– Эй, постой-ка! – Это голос Хиёко. Он раздается в ту самую секунду, как сигнал светофора из зеленого должен стать желтым.

Сын Тэрахары делает шаг на переход. Светофор все еще красный, но молодой человек, судя по всему, уже начинает переходить через дорогу: один шаг, другой…

Затем его сбивает машина. Черный минивэн, летящий на большой скорости.

Судзуки наблюдает момент столкновения в мельчайших подробностях, словно снимая его на пленку. Мир вокруг него погружается в полную тишину. Как если б его слух отключился, чтобы зрение обострилось до предела.

Передний бампер машины врезается в правое бедро сына Тэрахары, и нога складывается вовнутрь, ломаясь. Его ноги отрываются от земли, тело падает на капот автомобиля, он скользит на правом боку в направлении ветрового стекла. Ударяется о стекло, его лицо превращается в кровавую кашу, которую размазывают «дворники».

Затем его тело отскакивает от машины, летит на землю, он тяжело падает на левый бок, переворачивается, его вывернутая левая рука оказывается под телом. В сторону отлетает что-то маленькое и ударяется о землю; Судзуки видит, что это круглая пуговица, оторвавшаяся от костюма. Она описывает в воздухе дугу и, упав, волчком крутится на асфальте.

Тело покоится в углублении дорожной колеи, покачиваясь на собственной голове, как на точке опоры; шея согнута под неестественным углом.

Минивэн, только что отправивший младшего Тэрахару в полет, не останавливается, продолжая двигаться вперед и перемалывая колесами его безжизненное тело. Правое колесо проезжает по правой ноге, разрывая ткань брюк, раскатывая бедро в лепешку. Всем своим весом машина обрушивается на его грудь. Ломаются ребра, раздавливаются внутренние органы. Минивэн оттормаживается еще несколько метров, прежде чем окончательно

остановиться.

Вертящаяся на асфальте пуговица замедляется и наконец останавливается.

* * *

Словно оркестр окончил исполнение симфонии и все в зале затаили дыхание. На мгновение установилась звенящая тишина – чтобы после взорваться бурными аплодисментами. Только вот вместо аплодисментов люди начинают испуганно кричать.

К Судзуки возвращаются звуки. Они врываются в его уши – гудки машин, крики, гомон растерянных голосов – подобно реке, прорвавшей плотину.

Это встряхивает его, но он продолжает стоять и смотреть. Он кого-то видел. В хаосе, царящем на перекрестке, был человек – человек, который повернулся, пытаясь скрыться.

– Что только что произошло? – произносит Хиёко. Ее рот широко разинут от удивления. – Он… его…

– Его сбила машина. – Судзуки чувствует, что его собственное сердце бьется, как пожарный колокол.

– Ты видел то же, что видела я? – Ее голос звучит неуверенно.

– А?

– Ты же видел, да? Там был… кто-то… кто-то подозрительный, кто покинул сцену. – Она явно взволнована и говорит быстро, почти задыхаясь. – Ты должен был его видеть. Там кто-то был. Все выглядело так, будто идиота кто-то толкнул…

– Я… – Судзуки не уверен в том, как ему следует отвечать. Но затем он произносит: – Видел его. Да, я тоже его видел.

Хиёко умолкает. Она пристально смотрит Судзуки в лицо, затем опускает взгляд на свои ноги. Прищелкивает языком. Затем снова смотрит через улицу. В ее глазах читается, что она приняла решение.

– Ты… иди за ним.

– Идти… за ним?

– Ты ведь видел того человека, верно?

– Я… – теперь сомневается Судзуки.

– Не пойми неправильно. Ты все еще под подозрением. Но мы же не можем позволить уйти тому, кто толкнул под колеса идиота-сына, – кем бы он ни был. – Судя по ее тону, ей пришлось сделать мучительный выбор. – И даже не думай о том, чтобы улизнуть. – Ее лицо светлеет, словно ей в голову пришла отличная идея, и она добавляет: – Если ты попытаешься сбежать, я сама убью тех двоих в машине.

– Как это…

– Всё, иди за ним! Быстро!

Внезапно возникшая суматоха и неожиданное развитие событий сбивают Судзуки с толку, но прежде чем он осознает, что делает, он уже идет вперед.

– Иди за ним! – громко кричит ему вслед Хиёко, и ее горло перехватывает спазм. – Найди этого парня, который толкнул сына-идиота!

Он бросается бегом – как лошадь под ударами кнута. На бегу оборачивается через плечо. Его взгляд падает на высокие черные каблуки Хиёко. «Конечно, на таких невозможно никого преследовать – она об этом не подумала».

Кит[2 - В японском прочтении имя этого персонажа звучит как «Кудзира».]

Кит стоит за спиной сидящего мужчины и смотрит в окно. Он совсем недавно задернул занавеску, но теперь отодвигает ее примерно на пять сантиметров и смотрит на город внизу. Впрочем, там нет ничего такого, на что стоило бы смотреть. Комната на двадцать пятом этаже отеля находится недостаточно высоко, чтобы он мог взглянуть на крыши зданий, а вид оживленного ночного квартала не представляет из себя ничего особенного. Просто светящиеся фары машин, проезжающих через большой перекресток, и электрический свет вывесок. Зажатое между зданиями, небо над ним кажется узкой полоской потолка.

Он вновь задергивает занавеску и отворачивается. Комната перед его глазами просторная – она гораздо больше, чем можно было бы предположить, представляя себе одноместный номер. Обстановка элегантная и сдержанная, дизайн кровати и подставки для зеркала привлекают аскетичным достоинством. Это один из самых высококлассных отелей в городе.

– Хочешь посмотреть на улицу?

Он задает вопрос спине мужчины. Мужчина лет за пятьдесят сидит за столом, уставившись в стену. Он сидит, выпрямив спину, как младшеклассник в свой первый день за школьной партой.

– Нет, спасибо, – он отрицательно качает головой. Его мысли, должно быть, были где-то далеко, и голос Кита возвратил его в реальность.

Из всех личных секретарей политиков, которых Кит встречал за свою карьеру, этот человек вызывает у него наибольшую симпатию. Его волосы аккуратно расчесаны на пробор, и его окутывает аура утонченности и добропорядочности. На нем иностранный костюм хорошего качества, но без каких-либо ярких безвкусных деталей, что довольно необычно. Он, должно быть, старше Кита лет на десять или двенадцать, но разговаривает с ним очень вежливо.

– У тебя не будет другого шанса посмотреть на улицу. – Кит понимает, что нет никакой необходимости предостерегать мужчину, но он все равно это делает.

– Да… – Взгляд его собеседника ничего не выражает.

«Ты скоро умрешь, так почему бы не бросить прощальный взгляд на пейзаж за окном?» Кит думает о том, чтобы произнести это вслух, но решает промолчать. Они никогда не способны в полной мере осознать ситуацию, в которой оказались, так что нет смысла тратить слова на объяснения. Как бы то ни было, там все равно не на что смотреть.

Мужчина поворачивается к столу. Он смотрит неподвижным взглядом на стопку почтовой бумаги и конверт, лежащие на поверхности стола.

– Разве… разве подобное… – Он не оглядывается на Кита, продолжая сидеть к нему спиной. – Разве подобное часто происходит?

– Что именно?

– То, что происходит сейчас со мной. – Судя по всему, он лихорадочно пытается подобрать нужные слова. В растерянности произносит с ошибкой английское слово, которое крутится у него в мыслях: «Seaside?»[3 - «Побережье» (англ.), созвучно со словом suicide – «самоубийство».], затем вновь возвращается к японскому: – Я имею в виду случаи, когда людей заставляют себя убить. Ты часто это делаешь?

Его плечи дрожат.

Всегда одно и то же. Поначалу они стараются сохранять спокойствие. Прикладывают все усилия, чтобы вести себя непринужденно, даже философски. Делают понимающее лицо и произносят вещи вроде: «Что ж, чему быть, того не миновать». Спустя некоторое время они становятся разговорчивыми. Ошибочно полагают, что, пока будут болтать, смерть их не настигнет. Но сколько ни говори, а умирать все равно придется.

Кит не отвечает. Он просто поднимает взгляд на потолок, с которого свисает виниловая веревка, привязанная к вентиляционному клапану. Ее свободный конец завязан в петлю. Клиент не дал никаких специальных инструкций относительно того, что это должно быть именно повешение, но когда они не выдвигают определенных требований, Кит часто использует именно этот способ.

– Тебе это не кажется странным – сама идея того, что моя смерть что-то уладит? – Мужчина поворачивается на стуле, чтобы искоса посмотреть на Кита. –

Я всего лишь личный секретарь. Мое самоубийство никак не изменит ситуацию. И я уверен, что всем это известно. Истинные виновники всё еще занимают свои должности, оставаясь в стороне, но каким-то образом именно мое самоубийство должно привести к тому, что дело будет закрыто. Тебя самого это не удивляет?

Длинными разговорами ничего не добиться. Кит знает это по собственному опыту.

– Это ведь не я все придумал, – продолжает секретарь, – разумеется, не я. Я никогда не смог бы срежиссировать подобную ситуацию, у меня нет для этого никаких рычагов влияния.

Этот мужчина был личным секретарем члена парламента по фамилии Кадзи. Десять дней назад пресса выяснила, что Кадзи принимал подозрительные денежные пожертвования от новостного агентства, и ситуация сложилась просто ужасная. Он был загнан в угол, и этот скандал мог стоить ему карьеры. Приближались выборы в Палату представителей, и над Кадзи нависла опасность быть исключенным из правящей партии.

– Если я совершу самоубийство, с него действительно снимут ответственность?

– Кадзи – трус. Он начинает визжать по малейшему поводу. А когда он боится, то начинает бросаться на людей. Я прав насчет него?

Кит вспоминает Кадзи. Маленький пожилой чиновник с детским лицом. Он отращивает усы в надежде, что они придадут ему значительности, которой ему так не хватает, и постоянно хмурит свои густые брови, чтобы произвести впечатление, но ему никого не удается одурачить.

– Кадзи всегда поручает тебе подобную работу?

– Впервые.

Это чистая правда. Другой член парламента, знакомый с Китом, порекомендовал его, и Кадзи вышел с ним на контакт три дня назад.

– Он не показался мне особенно приятным человеком, но работа есть работа. Я взялся за нее.

– Если бы мы во всем спокойно разобрались, я уверен, мы решили бы этот вопрос, это не такая уж серьезная проблема. – В голосе мужчины появляются нотки отчаяния, он говорит быстро, его глаза краснеют. – Этот… этот Кадзи, он просто запаниковал и закатил истерику на ровном месте, хотя все еще можно было исправить.

– Ты сам нанялся секретарем к подобному человеку, так что единственный, кого ты можешь упрекнуть, – это ты сам.

Мужчина начинает задыхаться, сотрясаясь в беззвучных рыданиях.

– Но это бессмысленно! – восклицает он – и тотчас пугается того, что повысил голос.

– Преследования ослабнут, – коротко поясняет Кит.

– Что?

– Когда кто-то совершает самоубийство и берет на себя вину, так и происходит.

– Даже если все понимают, что это ничего не значит? – На лице мужчины написано отчаяние человека, только что узнавшего, что его предали.

– Я занимаюсь этим уже пятнадцать лет.

– Заставляешь людей убивать себя?

– Если б не было результатов, я остался бы без работы. – Кит присаживается на кровать. Его рост сто девяносто сантиметров, весит он около девяноста килограммов, – кровать прогибается под ним, раздается скрип пружин. Он достает из внутреннего кармана своего темно-серого пиджака, застегивающегося на три пуговицы, книгу в мягкой обложке. И, не обращая внимания на умоляющий взгляд мужчины, принимается читать.

– Что… что это за книга? – спрашивает мужчина. Должно быть, ему не столько интересна сама книга, сколько он просто боится быть оставлен наедине со своими мыслями.

Не произнося ни слова, Кит приподнимает книгу так, чтобы мужчина мог прочесть название. Обложка книги изрядно потрепана.

– О, я тоже ее читал, когда был подростком. – Глаза мужчины загораются, словно он сделал важное открытие – общий интерес, благодаря которому они могут найти общий язык. «Мы не такие уж разные, давай пожмем друг другу руку». – Это классика. Нет ничего лучше классики, верно?

– Из всех романов на свете этот – единственный, что я читал.

Мужчина в удивлении приоткрывает рот.

– Это не преувеличение, не бахвальство и не самоуничижение, – Кит находит объяснения обременительными, но он уже в них пустился. – Просто я никогда не читал ничего, кроме этого.

– Ты много раз ее читал?

– Когда мой экземпляр слишком изнашивается, чтобы его перечитывать, я покупаю новый. Это уже пятый по счету.

– В таком случае, наверное, ты уже выучил весь текст наизусть, – мужчина старается изо всех сил придать своему лицу жизнерадостное выражение. – Кстати, если в названии этой книги на японском слоги переставить местами, то получится «Слюни и мед», ты знал об этом? «Преступление и наказание» – это «Цуми то бацу», а если иначе прочесть, получится «Цуба то мицу», понимаешь… это должно быть смешно… – Его пронзительный от волнения голос дрожит, как тростник на ветру; в нем отчетливо сквозит отчаяние, как будто эта дурацкая шутка – самая важная вещь на свете, которую он должен был рассказать.

Кит медленно поднимает глаза от текста и смотрит на написанное иероглифами заглавие книги:

– В самом деле.

Неожиданно память возвращает его в прошлое. Лет десять назад он думал, что человек, который тоже любит эту книгу, мог бы стать его другом. Это было ошибкой, плачевной ошибкой. Так что больше он на это не купится. Есть бесчисленное множество людей, читавших одну и ту же книгу. Это не делает ни одного из них родственной тебе душой. Но тогда он этого еще не понимал.

На виске мужчины дергается жилка.

– Я действительно должен совершить самоубийство? Ты, должно быть, думаешь, что я просто жалок…

– Нет. Все так себя ведут.

– Пожалуйста, объясни мне, как самоубийство секретаря политика что-то изменит.

– Когда кто-то совершает самоубийство, это все усложняет. Вот как это работает.

Личный секретарь, утверждающий, что вся ответственность лежит на нем одном, – ложь столь очевидная, что даже школьник не попытался бы ею воспользоваться. Но когда секретарь вешается, градус критики и нападок на политика снижается. Это все равно как в случае, когда вокруг огромной корпорации поднимается шум по поводу загрязнения окружающей среды, и тут вдруг ее исполнительный директор бросается с небоскреба. Кто-то может заявить, что самоубийство – это малодушие, всего лишь трусливый шаг, чтобы избежать ответственности и замять последствия, однако большинство сходится на том, что можно забыть всю историю, и толки стихают.

– Когда кто-то приносит себя в жертву, даже если факты не сходятся, вести расследование становится труднее, – заключает Кит.

Мужчина стонет и закрывает ладонями лицо, затем медленно ложится головой на стол. Все так делают. Кит сидит на кровати, читая книгу и терпеливо ожидая, пока мужчина перестанет плакать. Когда всхлипывания и дрожь прекратятся, он

хорошо себе представляет, какими будут его следующие слова.

Конечно, именно это он и говорит.

– Пусть мне придется умереть, но моей семье ничего не угрожает, верно?

Это знак того, что подготовительные мероприятия закончены. Теперь неизбежный ход событий набирает скорость, подобно вагонетке, катящейся под гору. Словно поторапливая Кита продолжать работу, за окном мигают красным вывески на зданиях.

– Тебе не стоит об этом беспокоиться. – Он кладет закладку на нужную страницу и поднимается с кровати. Подходит к мужчине. Постукивает пальцем по стопке почтовой бумаги. – Напиши предсмертную записку. Скажи в ней все, что считаешь нужным.

Мужчина смотрит на Кита как десятилетний ребенок, пытающийся угадать настроение своего родителя, ища у него защиты. «Убей себя. Если ты это сделаешь, мы гарантируем, что твоя семья будет в безопасности». В этих словах содержится и смутная угроза: «Если ты не сделаешь этого, твоя семья будет в опасности».

– Бывают ли люди, которые отказываются? – спрашивает мужчина.

– Бывают.

– Что с ними обычно происходит?

– Они погибают вместе со своими семьями в пожарах, возникших по неустановленным причинам.

Проблеск надежды в глазах мужчины угасает.

– Или пьяный водитель грузовика врезается в машину, в которой едет вся семья, и все до одного погибают в аварии. Или байкеры похищают единственную дочь человека и насилуют ее всей бандой. – Кит монотонно перечисляет примеры, словно распевая буддийскую молитву. Это все истории, которые он слышал, и он

не знает наверняка, правда ли это. Но в его мире они кажутся более чем вероятными.

Мужчина медлит, его губы дрожат.

– Но если я сделаю все в точности как ты говоришь, моя семья будет в безопасности?

Кит кивает, хотя в действительности он никогда не пробовал удостовериться, всё ли в порядке с членами семей его жертв, и это его не волнует. Но он может предположить, что, скорее всего, все работает именно так. Политики и богачи не любят брать на себя неоправданные долги, даже если это долги перед мертвыми.

Плечи мужчины бессильно опускаются, словно становясь склонами холма, с которых соскальзывают все его надежды. Он берет ручку и лист бумаги из стопки.

Заставлять их писать предсмертные записки – тоже часть его работы. Некоторые пишут семьям, другие адресуют последние слова политикам или своим начальникам. Кит разрешает им писать все, что заблагорассудится, затем проверяет написанное, когда все готово. Все, что может вызвать проблемы, выбрасывает.

Он снова садится на кровать и возвращается к книге. Все, что нужно, – это открыть ее на нужной странице и прочесть одну-две строчки, чтобы вновь погрузиться в мир романа. Там он ощущает себя гораздо привычнее и комфортнее, чем в реальном мире.

Мужчина пишет в течение примерно тридцати минут. Несколько раз за это время он разрывает лист в клочья и сминает их в шарик. Но ни разу не впадает в ярость и не ударяет кулаком по столу. Закончив, поворачивается на стуле, чтобы взглянуть на Кита.

Дыхание Кита тихое-тихое, и он так беззвучно перелистывает страницы, – мужчина, быть может, решил, что он ушел из комнаты.

– Извини, но бывает ли так, что человеку трудно написать записку из-за того, что у него дрожат руки?

– Где-то около трети людей испытывают подобные проблемы, – Кит выныривает из мира своей книги.

– Что ж, значит, я неплохо справляюсь?..

– Да, это так, – он перелистывает страницу.

На этом этапе для них типично интересоваться насчет того, достойно ли они держатся. Несмотря на то что они смотрят в лицо собственной смерти, им все равно хочется удостовериться в том, что они превосходят других людей.

Кит помещает между страниц закладку и мягко закрывает книгу, затем убирает ее обратно в карман. Поднимается и объясняет мужчине дальнейший порядок действий: тот должен будет перенести стул, встать на него и накинуть петлю себе на шею. Кит уверяет его, что все будет кончено быстро.

– Да, – тон у мужчины спокойный и почтительный. Он уже пребывает в полубессознательном состоянии.

«Вероятно, ты обладаешь какой-то странной способностью». Когда-то давно так сказал ему один влиятельный политик. «Стоя перед тобой, человек ощущает не то чтобы физический страх, но его охватывает чувство мучительного отчаяния. Да, определенно, так оно и есть. Даже такой человек, как я, такой наглый и прожженный циник, как я, испытывает это чувство – пусть и совсем слабое. Таящиеся в глубине души у каждого чувства вины и беспомощности начинают разрастаться, пока не охватят человека полностью, – это похоже на внезапное впадение в тяжелую депрессию. Все мои крохотные грехи становятся огромными, и сама моя жизнь превращается в страдание». Когда тот обладающий огромной властью и авторитетом человек назвал свои грехи «крохотными», Кит был потрясен до глубины души. Между тем политик продолжил: «Думаю, ты обладаешь силой заставлять людей совершить самоубийство».

«Если это так, почему бы тебе не убить себя?» – сказал ему тогда Кит.

Хотя на самом деле он не понимал чувств людей, смотревших ему в глаза, у них на лицах действительно появлялось одно и то же мрачное выражение, как будто они утратили жизненную силу. Словно смотрели в поглощающую их черную пустоту.

– Встань на стул, – шепчет он в ухо мужчине.

Глаза секретаря округляются, его взгляд начинает лихорадочно метаться, тело охватывает дрожь. Он снимает ботинки. Встает на стул. Просовывает голову в петлю. Он знает, что каждый следующий пункт инструкции, который он исполняет, приближает его на шаг к смерти, – но, несмотря на это, продолжает.

Судя по всему, в использовании пистолета необходимости не возникнет. Встречаются люди, которые не желают смотреть Киту в глаза, а значит, не оказываются во власти его загадочных чар, и такие пытаются сбежать. Когда подобное происходит, ему не остается иного выбора, кроме как достать пушку. «Если ты не убьешь себя, тебя убью я», – говорит он мягко. Иными словами, «если ты не хочешь быть убитым – покончи с собой,» – причудливая логика, но в своем роде убедительная. Они подчиняются его инструкциям, чтобы не быть убитыми. Никто из них до последнего не верит, что им действительно предстоит умереть.

Мужчина теребит пальцами веревку.

– Скольких людей ты заставил это сделать?

– Всего тридцать два человека.

– И ты помнишь каждого?

– Я веду записи. Ты будешь тридцать третьим. И ты восьмой человек, кто когда-либо задавал этот вопрос.

– Подобная работа не вызывает у тебя печаль? – Лицо мужчины кажется старше, морщины глубже, его кожа сухая, как пергамент. Как у того, кто пытается срочно свести бухгалтерский баланс и уладить все дела перед приведением в исполнение неожиданного смертного приговора. – Тебя не мучает чувство вины?

Кит горько усмехается.

– Ко мне приходят призраки.

– Призраки?

– Люди, которых я заставил совершить самоубийство. Они начали появляться с недавних пор.

– Они приходят по очереди?

– Да, все тридцать два человека.

– Так значит, ты чувствуешь себя виноватым. – В голосе мужчины проскальзывает нотка сожаления, словно он испытывает сострадание к сумасшедшему, но в то же время ему как будто приятно услышать эту дешевую историю о призраках. – И это значит, что рано или поздно я тоже приду к тебе.

– Трудно сказать наверняка, случится ли это.

– Когда я учился в университете, я часто слушал джаз…

Неожиданная смена темы. Это говорит Киту о том, что человек действительно понимает, что наступают его последние минуты.

– Я очень любил Чарли Паркера[4 - Чарльз «Чарли» Паркер (1920–1955) – американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп. Наряду с Луи Армстронгом и Дюком Эллингтоном считается одним из самых влиятельных музыкантов в истории джаза.].

У Кита нет никакого желания продолжать этот разговор.

– У него была известная вещь, Now’s the Time. «Пришло время». Отличное название, ты так не думаешь?

Кит согласен, что это действительно очень хорошие слова, и, не имея ничего в виду, произносит вслух:

– Пришло время.

Как если бы слова Кита были сигналом, мужчина произносит: «Полагаю, что да», – и с этими словами сам отбрасывает пинком ноги стул, на котором стоял. Стул опрокидывается. Тело мужчины падает, затем веревка останавливает его падение и туго натягивается. Потолок скрипит. Кит наблюдает.

Желтая виниловая веревка врезается мужчине в шею. Петля затягивается у него под подбородком и за ушами. Его ноздри раздуваются, пытаясь втянуть воздух. Изо рта раздается булькающий звук.

Его ноги дергаются взад-вперед, словно он решил заняться плаванием. Отброшенный стул валяется на боку. Сначала ноги мужчины двигаются очень быстро, но вскоре их движения замедляются. Из приоткрытых губ стекает ручеек слюны, и с каждым предсмертным хрипом в углах рта пузырится белая пена. Его пальцы цепляются за петлю, пытаясь найти хотя бы малейший зазор между шеей и веревкой. Ногти до крови царапают кожу.

По всей видимости, кровяное давление достигло теперь своего пика, поскольку лицо и белки глаз мужчины багровеют от прилива крови. Его шея отекает. Начинаются судороги. Тело бьется в предсмертной агонии. Затем оно обмякает. Кровь отливает от его лица, и оно стремительно бледнеет, становясь почти белым. Теперь тело кажется невесомым, мягко покачиваясь в воздухе.

* * *

Кит неотрывно смотрит на парящее в тишине комнаты тело, затем принимается за завершающий этап своей работы. Он стирает отпечатки пальцев и удостоверяется, что нигде нет никаких клочков бумаги или любого мусора, который мог бы помочь его идентифицировать. Затем читает предсмертную записку мужчины. Как он и ожидал, тот написал только своей семье. Слова поддержки и ободрения жене, заверения в любви, адресованные детям, наставления о жизни, и последнее предложение: «Я буду присматривать за всеми вами». Ничего особо примечательного. Почерк вполне уверенный.

На него накатывает волна головокружения. Он изо всех сил пытается устоять на ногах и держать свои глаза открытыми.

«Как всегда, люди и только люди…»

Голос раздается за его спиной.

Кто-то стоит возле окна, глядя вниз через просвет занавесок. Кит прищелкивает языком. Это член Палаты советников, повесившийся два года назад. Кит заставил его совершить самоубийство, чтобы покрыть скандал со взяточничеством.

Работа, которую он получает от политиков, всегда связана с деньгами. С деньгами или с репутацией. Было бы неплохо хотя бы однажды услышать просьбу, касающуюся управления страной или восстановления справедливости. Но пока этого не происходило – ни разу.

Советник, считающийся мертвым, постукивает по стеклу окна – словно целясь из своего указательного пальца, как из пистолета. Внизу располагается огромный четырехсторонний перекресток с восемью пешеходными переходами. Люди ожидают смены сигнала светофора, похожие на роящихся муравьев.

Кит прищуривается. Происходит нечто странное.

Из стоящей на углу толпы прямо под колеса машин выпрыгивает человек – пулей вылетает на проезжую часть. И его немедленно сбивает машина. Все происходит так быстро, что почти разочаровывает. Выпрыгнул – сбили. «Ох, он погиб, – вздыхает призрак советника. Он кажется реальным, почти осязаемым. – Специально бросился под машину?»

– Это не так, – говорит сам себе Кит. Он ничего не видел наверняка. Но уверен в этом.

Толпа людей на перекрестке приходит в суматошное движение, подобно внезапно рассеянному военному отряду. Люди собираются вокруг распростертого человека, сбитого машиной, отводят глаза, прижимают к ушам мобильные телефоны; другие, находившиеся в отдалении и привлеченные

сутолокой и шумом, бегут к месту происшествия, чтобы посмотреть, что стряслось, – все это Кит представляет в своем воображении.

Но он замечает и кое-что еще: среди всего этого хаоса один человек вовсе не выглядит встревоженным. Он спокойно уходит прочь, будто ничего особенного не произошло. Одинокий муравей другого вида.

«Толкатель». Слово само собой возникает у Кита в голове.

Воспоминания десятилетней давности, которые казались ему давно похороненными в памяти, стремительным потоком возвращаются одно за другим. Как мутная вода, сорвавшая заглушку с трубы. Он видит самого себя, свои ошибки, свои сожаления, свое раскаяние.

Он отодвигает злосчастные мысли обратно, в самые потаенные закоулки сознания.

Призрак советника, стоявший рядом с ним, исчезает.

Кит бросает последний взгляд на мертвого человека, висящего в петле. Когда он закрывает за собой дверь, выходя из комнаты, скрип потолка под весом трупа становится едва различимым. На двери прикреплена табличка с напоминанием не забыть взять с собой ключ, покидая номер. Не забирая ключ, он уходит.

Цикада[5 - В японском прочтении имя этого персонажа звучит как «Сэми».]

– Заткнись к чертовой матери! – Цикада повышает голос, крича на стоящую перед ним домохозяйку. Он взъерошивает пальцами свои светло-каштановые волосы и яростно чешет в ухе. – Ты просто бесишь!

– Я всего лишь хотела спросить, почему, почему это произошло?

Домохозяйке сильно за сорок. На ее лице густой макияж, скрывающий морщины, она втиснута в рубашку от молодежного бренда, которая совершенно не соответствует ее возрасту.

Цикада стоит в гостиной ее двухэтажного дома, расположенного в новом жилом комплексе в городе Мито префектуры Ибараки.

Глаза женщины краснеют. Она настолько взвинчена, что путается в словах.

– Что это? Что это такое?

Она указывает себе за спину. Там распростерлись в крови двое бездыханных мужчин.

– Мужчина, лежащий лицом вниз на диване, – это твой муж, а тот, что лежит возле телевизора на спине, – это твой сын. Оба они мертвы.

– Это я понимаю! Но почему?

Он бросает взгляд на часы на серванте. В любую минуту может позвонить Иваниси. «Ты там как? Уже разобрался?» – спросит он, как обычно легко и непринужденно. А затем перейдет на торжественный тон, словно цитирует божественное откровение, и скажет: «Как говорил Джек Криспин, следовать времени – это то же самое, что следовать самому себе». Или что-нибудь вроде того.

– Почему… почему подобное должно было произойти со мной? Кто ты? Ты же сказал, что ты риелтор!

– Ну да, я соврал насчет этого. Извини, – Цикада пожимает плечами. Теперь он приглаживает волосы, зачесывая их пятерней за уши. – Я не смог бы выполнить мою работу, если б ты не впустила меня в дом. Я же не мог, ну, скажем, позвонить в дверной звонок и сказать: «О, привет, я тут с ножом пришел, чтобы всех вас поубивать». Разве ты меня впустила бы?

– Что ты такое говоришь? Конечно же, нет!

– Ну вот, видишь. Так что я сказал, что работаю в агентстве недвижимости, и ты открыла мне дверь. Вы же обсуждали покупку квартиры, верно? Даже несмотря на то, что у вас есть этот роскошный особняк. Я этого не понимаю. Ладно, в общем, мне было сказано, что вы подыскиваете квартиру и что я должен

представиться риелтором.

– Кем было сказано?

– Иваниси.

– Кто это такой? Я ничего не понимаю!

– Мой босс. То бишь есть только он и я. Он получает заказы, а я их выполняю. Это несправедливо, как ты считаешь? Я делаю всю тяжелую работу, а он и пальцем не пошевельнет…

Вдоль стены гостиной тянется большой открытый шкаф, заполненный женскими сумочками, как будто это витрина в магазине сумок.

– Так что я пришел убить вас всех, только и всего. Это и есть работа.

– Но зачем, зачем тебе убивать нас?

– Откуда мне знать.

Цикада делает к ней шаг, и она вздрагивает, затем едва не теряет равновесие и хватается рукой за стоящий рядом стол, чтобы не упасть.

– Это всего лишь задание, я не знаю деталей. Иваниси правда ничего мне не рассказывает. Ну, конечно, кроме этого его Джека Криспина.

– Крисп… кого?

– Ты тоже ничего о нем не слышала? Я не удивлен. Сам о нем раньше ничего не знал. Но всякий раз, когда этот придурок хочет мне что-то сказать, он просто цитирует Джека Криспина. Какой-то певец из какой-то группы. Никто его не знает. Но это единственное, о чем вообще говорит Иваниси. Ему нравятся тексты песен этого парня. «Как говорил Джек Криспин, чем меньше знает двадцатилетний юноша, тем он счастливее». Только об этом и толкует. Он никогда не говорит мне, откуда поступил заказ, в чем его причина, ничего из этого. Но в твоем случае у меня, по крайней мере, есть одна догадка. Твой сын –

думаешь, что хорошо его воспитала?

– Мой сын?

– Не он ли недавно поджег какого-то спящего бездомного в парке Фудзисава?

Глаза женщины расширяются. Но от внимания Цикады не ускользает едва заметное подергивание ее века.

«Мамаша, ты в курсе».

– Да, буквально на днях. Бездомный был заживо сожжен в парке Фудзисава. Кто-то облил старика бензином, пока тот спал, и поднес зажигалку. Это был твой сын, верно?

– Н…

Она, должно быть, хочет сказать: «Нет, это был не он», – но не может произнести ни слова.

– Иваниси никогда мне ничего не говорит, так что я сам кое-что разузнал. Все слухи привели к твоему сыну. Живет здесь, в Мито, но поехал в Токио, чтобы совершить преступление. Мне нравятся подобные поступки, если что. Но другие бездомные ребята не обрадовались тому, что их друга поджарили. А они могут кое-чего добиться, когда хотят этого. Они могут быть бездомными, но они не безнадежны.

– Но полиция занимается расследованием…

– Ну да, я в курсе, но бездомные не особенно заинтересованы в аресте. Они жаждут мести. К тому же твой сын несовершеннолетний, так что в любом случае навряд ли законное наказание будет слишком уж суровым. Так что они собрали денег и предложили Иваниси работу. «Избавься от этого мелкого гаденыша», – вот что они сказали. Трогательно, правда? И вот я здесь. – Цикада говорит очень быстро, едва останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Закончив, он делает глубокий вдох. – Это все, что мне удалось выяснить.

– Но даже если мой сын поступил дурно, зачем ты убил моего мужа?

– Такое уж задание, – Цикада вновь взъерошивает волосы. – Убить всю семью. Нам заплатили за троих. Но, знаешь, тут есть одна проблема – я не получаю за это утроенную ставку! Это несправедливо, как думаешь? Это… как там эта хрень называется?..

– Эксплуатация? – На мгновение женщина, похоже, возвращает себе способность рассуждать как обычно.

– Точно, она самая. Эксплуатация.

– Ты ведь не думаешь, что это сойдет тебе с рук, а? Убийство троих человек наделает шума. Об этом сообщат в новостях, полиция начнет экстренное расследование. Тебя в два счета поймают. Приговорят тебя к смертной казни. Да, к смертной казни!

– Ну, в наши дни в подобном нет ничего удивительного. Грабитель врывается в дом и убивает всю семью за каких-нибудь несколько тысяч иен. Такое постоянно происходит. Ты в курсе, сколько таких дел остаются нераскрытыми?

– Подобным занимаются только китайцы.

Ее голос звучит довольно убежденно. Цикада мрачно ухмыляется:

– Услышав такое, китайцы рассердились бы. Несправедливое предубеждение. Японцы тоже подобным занимаются. В любой стране найдутся люди, которые сделают все, что угодно, ради некоторой суммы наличных. Как бы то ни было, говорю тебе: таких дел сотни, и большинство из них так никогда и не раскрывают. Да, и кроме того…

– Что кроме того?

– Здесь, в Японии, чем больше людей ты убьешь – тем дольше будет идти суд. Странно, правда?

– Ты не сможешь уйти безнаказанным.

– Жаль тебе это говорить, но смогу, – Цикада пожимает плечами. – Эй, а хочешь услышать мое любимое высказывание?

– Что ты… – домохозяйка, кажется, больше расстроена его невежливым отношением, чем тем фактом, что она находится в смертельной опасности.

– «Если б Чарли Паркеру сказали, что он может выйти на улицу и убить десятерых белых, он выбросил бы свой саксофон, и ему больше никогда не пришлось бы заниматься музыкой». – Цикада так быстро выпаливает слова, что в воздух летят брызги слюны. – Это из фильма Годара[6 - Жан-Люк Годар (1930–2022) – франко-швейцарский кинорежиссер, кинокритик, актер, сценарист, монтажер и кинопродюсер, стоявший у истоков французской новой волны в кинематографе. Его фильмы 1960-х гг. оказали революционное влияние на мировое киноискусство.].

– О чем ты вообще говоришь?

– На самом деле Чарли Паркер ничего не мог поделать со своим желанием убивать белых людей, так что он играл на саксофоне, чтобы с собой справиться. Но в наши дни, знаешь ли, есть куча людей, у которых нет саксофонов.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Жизнь – ужасная штука, вот я хочу сказать. И нам не рассказывают об этом в школе.

– Ты ведь не причинишь вреда женщине?! – Выражение ее лица не отражает того, что происходит в ее голове, но то, как она это выкрикивает, звучит почти как вызов.

– Я профессионал, – Цикада выплевывает слова, в очередной раз посылая ненамеренный плевок в ее направлении. – Ты же никогда не услышишь от хирурга, что он не оперирует мужчин. Проститутка обслуживает любого клиента, вне зависимости от того, насколько он уродлив. Так что я тоже не занимаюсь дискриминацией.

Она хочет что-то прокричать, но не успевает сформулировать слова. В то самое мгновение, как ее рот открывается, правая рука Цикады приходит в движение. Он ударяет ее ножом.

Острие вонзается ей в живот чуть выше и правее пупка. Он надавливает, и лезвие уходит глубже. Разрезает мышцы, пронзает капилляры и нервы. Он давит сильнее, углубляя рану, останавливаясь лишь тогда, когда нож достигает ее печени.

Женщина стонет, изо рта у нее с бульканьем вытекает слюна.

Когда нож выходит из раны, вслед за ним из перерезанных вен толчками выливается кровь.

Не теряя ни мгновения, Цикада бьет снова, целясь несколькими сантиметрами ниже левой груди.

Нож уходит вглубь, разрезая прослойку подкожного жира, продираясь между ребрами, ища острием ее сердце.

Ее глаза широко распахнуты. Она со свистом выдыхает, как будто из ее легких выходит весь воздух.

Нож вновь выскальзывает из ее тела. Она оседает на пол, кровь отливает от ее лица.

Цикада наблюдает за конвульсиями женщины. Он подходит ближе, стараясь не наступить в лужу крови. Затем садится на корточки, словно рассматривая раздавленное насекомое. Проверяет пальцем ее запястье. Удостоверившись в том, что у нее нет пульса, берет спортивную сумку, которую принес с собой, и переодевается. Неброские футболка и джинсы массового производства – из тех, что можно встретить повсюду.

На его телефоне раздается входящий вызов. Как он и предполагал, это Иваниси. «Ты там в порядке? Уже разобрался?» Ему за сорок, а разговаривает таким тоном, который больше подошел бы антисоциальному старшекласснику.

– Только закончил, – отвечает Цикада.

– Тогда выбирайся оттуда. Завтра зайдешь и заберешь свои деньги.

– Понял тебя. Достал ты меня уже.

– Джек Криспин тоже так говорил: «Сделай свое дело и беги».

– Если б ты не мог его цитировать, тебе было бы нечего сказать. – Ему хочется швырнуть телефон через всю комнату.

– Ничего не поделаешь: все, что я хочу сказать, уже написано в песнях Джека Криспина.

– Ладно, не суть; слушай, как так выходит, что все мои задания похожи на это? Убить всю семью. Это очень хлопотно. Сегодня, например, женщина была невыносимой, никак не хотела заткнуться…

– Потому что всем остальным такая работа отвратительна.

– Отвратительна?

– Никто не хочет убивать невинных женщин и детей.

– Да ладно, – Цикада задумчиво склоняет набок голову. Для него это практически непостижимо. – Почему люди видят проблему в убийстве детей? Дети вырастают во взрослых, разве нет? Сколько лет должно быть человеку, чтобы его можно было спокойно убить? Я мог бы понять, если б кому-то было отвратительно убивать собак или кошек, но когда речь идет о людях, какая разница, какого они пола или возраста? Они же не перестают от этого быть людьми.

– Я о том тебе и толкую. Тебя это не волнует. Вот почему мы беремся за эту работу. Наша маленькая фирма может сделать деньги на такой работе, за которую больше никто не возьмется. Иначе говоря, ищи свою нишу.

Возможно, еще одна строчка из песни.

– Ну, тебе-то потеть не приходится. Ни черта не делаешь.

– В традиционной рыбалке с бакланами истинная заслуга принадлежит не баклану, а его владельцу.

– Засунь это себе в задницу, чертов эксплуататор.

– Надо же, какие ты слова знаешь… Послушай, я не пытаюсь тебя эксплуатировать.

– Правда?

– Одна из тем творчества Джека Криспина – это яростный протест против эксплуатации.

«Кто бы сомневался…» Цикада дает отбой, не отвечая. Он уже собирается уйти и направляется к выходу, когда замечает журнал, которого раньше никогда не видел. Берет его в руки. Это оказывается программа передач кабельного телевидения. Выбор каналов впечатляет. «Ого, если стать богатым, можно смотреть гораздо больше всяких шоу. Скоро даже экстренные новости станут платными. Какую бы программу посмотреть?..» Его рука тянется к пульту управления.

Судзуки

Судзуки наискосок перебегает перекресток и, не останавливаясь, выпрыгивает на тротуар. Далеко впереди виднеется спина уходящего мужчины. Большинство пешеходов идут навстречу Судзуки, перегораживая ему путь. Суматоха из-за несчастного случая привлекла любопытных, и толпа зевак растет. «Что же произошло?» Этот вопрос звенит в голове Судзуки, когда он, спеша, прокладывает свой путь среди праздных наблюдателей.

Сына Тэрахары сбила машина. В этом нет никаких сомнений. Но умер ли он? Минивэн врезался в него на полной скорости, оставив его искалеченное тело со

сломанной шеей валяться на дороге. Он не двигался. «Он ведь никак не может все еще оставаться в живых, верно?»

И еще Судзуки мельком заметил того, кто его толкнул. Конечно, он мог ошибиться, увидев то, чего не было, но Хиёко сказала, что тоже его видела. Могло ли это быть правдой, мог ли кто-то толкнуть его? Все, что оставалось Судзуки, – это идти следом за тем человеком.

Справа от него тянется шеренга зданий, в которых располагаются секс-шопы и эротические массажные салоны; их кричащие неоновые вывески зазывно сияют. Фары непрекращающегося встречного потока машин светят ему прямо в лицо. Дальше по улице устремляются к самому небу высотные отели.

В десятке метров впереди – человек, которого он преследует. Человек, толкнувший сына Тэрахары. Опередивший Судзуки с его местью, когда та была прямо напротив, достаточно было перейти дорогу. Осознание этого ошеломляет его. «Как теперь быть?» Он маневрирует в толпе, стараясь избежать столкновений с пешеходами. Единственная цель, которая у него была, внезапно исчезла, бесцеремонно испарилась прямо у него на глазах. «Как теперь быть?»

Он заставляет себя двигаться вперед. «Просто не останавливайся». Если он потеряет мужчину из виду, то никогда не узнает, что же произошло на самом деле. После того как погибла его жена, месть была единственным, что заставляло его двигаться вперед. Если у него отняли даже шанс отомстить, ему больше незачем жить. По крайней мере, в этом он уверен.

Человек, идущий впереди, кажется неестественно спокойным. Он идет быстрым шагом, но нисколько не производит впечатление преступника, скрывающегося с места преступления. Судзуки петляет между идущими по тротуару людьми, отклоняясь то вправо, то влево, толкает плечом проходящего мимо молодого человека, в то время как тот мужчина словно бы плывет по течению реки.

Он невысокого роста, худощавый, одет в черное пальто. И движется так легко, как будто вовсе лишен веса.

Судзуки отчаянно старается не упустить его из виду. Мужчина продолжает то исчезать, то вновь возникать в поле его зрения среди голов других людей.

Носок чьего-то ботинка ударяет Судзуки в правую лодыжку. Не обращая внимания на резкую вспышку боли, он не позволяет себе остановиться. Рев двигателей мчащихся по дороге мотоциклов подгоняет его вперед. Он продолжает переставлять ноги, пошатываясь и прихрамывая, но с каждым шагом продвигаясь к своей цели.

Мужчина спускается по лестнице в метрополитен.

Судзуки ускоряет шаг, не желая отставать. На станции «Фудзисава-Конготё» сходятся три линии, у нее сложная планировка с множеством петляющих и пересекающихся коридоров. Он знает, что, если потеряет мужчину из виду, все будет кончено.

Его телефон звонит. Он отвечает, глядя на гудящую флуоресцентную лампу, вокруг которой вьются крошечные насекомые.

– Где ты? – раздается в ухе резкий голос Хиёко.

– Я сейчас… – его слова отлетают эхом от стен, пока он бежит вниз по лестнице, – преследую его. Спускаюсь в метро. Где ты? – Судзуки пропускает ступеньку и едва не летит с лестницы кувырком. – Как… – он пропускает еще одну ступеньку, – как он?

– Его как раз увозят в больницу.

– Он выживет? – Судзуки с трудом справляется с дрожью в голосе.

– Увидим.

«Нет шансов, что он выживет после такого», – думает Судзуки, но ничего не говорит. Телефон все еще прижат к его уху, он спешит по коридору станции. Впереди – частокол круглых колонн. Здесь и там виднеются указатели пересадок на разные линии. По левую руку от него ряд закрытых магазинов, за ними – торговые автоматы. Судзуки направляется к турникетам станции. Мужчина от него примерно в тридцати метрах, но между ними пространство свободно.

– Не дай убийце уйти.

– Мы еще не уверены, что он убийца.

– Это точно он. Мы оба видели это. Я только что говорила с парнями, которые были вместе с сыном-идиотом, они были там с ним и сказали, что все выглядело так, будто его кто-то толкнул.

За ее спиной включается сирена «Скорой помощи».

– Прости, я тебя не слышу.

– Толкатель! – пронзительным голосом кричит ему в ухо Хиёко.

– Толкатель?

– Судя по всему, есть кто-то, кто занимается этим профессионально. У меня нет никакой конкретной информации, и я впервые слышу о ком-то подобном, но некоторые другие работники компании слышали о нем.

– Так чем он профессионально занимается?

– Толкает людей. На дороги, на железнодорожные пути. Под колеса.

Она что, хотела сказать, что кто-то нанял того человека, чтобы убить сына Тэрахары?

– В любом случае не упускай его из виду. Выясни, куда он направляется, где он живет! Мы ничего о нем больше не знаем! – Она почти в истерике.

– Почему я обязан это делать?

– Потому что, если ты сейчас проявишь себя с хорошей стороны, это сыграет тебе на руку. Это снимет все подозрения.

Наблюдая за тем, как мужчина проходит через турникеты, Судзуки коротко сообщает ей, что свяжется с ней позже, и отключается, затем опрометью бросается к билетному автомату. Бросает короткий взгляд на цены и берет билет, по которому можно проехать до конечной станции. Едва квадратик бумаги появляется из автомата, Судзуки выдергивает его и бегом бежит к турникету.

Станция заполнена мужчинами в деловых костюмах и женщинами в густом макияже. Судзуки прокладывает свой путь вперед, читая указатели над головой. Он спускается на длинном эскалаторе к платформе. Перед ним оказывается группа из пяти пожилых женщин, неторопливо обсуждающих большой выигрыш в маджонге.

Поезда из центра и в центр, должно быть, только что отправились, и платформа совершенно пуста. Он видит мужчину. Тот стоит с левой стороны на первом пути, направление из центра Токио. Судзуки замедляет шаг и останавливается под электронным табло, на котором высвечивается время до прибытия следующего поезда. Он смотрит попеременно то на свои наручные часы, то на монитор, делая вид, что сверяется со временем прибытия, и то и дело украдкой бросая косые взгляды на мужчину.

На вид тому лет тридцать пять. Лицо вроде бы не совсем молодое, но при этом на нем нет признаков приближающегося среднего возраста.

Платформа начинает стремительно заполняться людьми. Они словно возникают из-под земли, как плесень из сырого пола. Собираются очереди. Мужчины, читающие еженедельники, молодые люди в наушниках, непринужденно болтающие сотрудники компаний. Мужчина, за которым наблюдает Судзуки, тихо стоит перед ограничительной линией, не обращая внимания на оживление вокруг. Его спокойствие кажется почти угрожающим.

Подъезжает поезд. Пассажиры направляются к открывшимся дверям, один за другим заходят внутрь. Судзуки следует за ними. «Я просто должен это сделать. Как ты всегда мне говорила».

Кит

Когда лифт прибывает на первый этаж, раздается приятная мелодия колокольчика и двери открываются. Он выходит из лифта и пересекает лобби. На стойке регистрации довольно оживленно – семь или восемь человек стоят в очереди, ожидая заселения. Их окутывает характерная аура хорошего вкуса, всегда сопровождающая обеспеченных людей. Он неторопливо направляется к выходу. Швейцар, переносящий багаж, поднимает взгляд на Кита. Лишь на мгновение – и почти сразу же отводит глаза. Кроме этого, никто, похоже, не замечает его присутствия.

Он проходит через автоматические двери, затем по извилистой тропинке и покидает территорию отеля. Прохладный ветер обдувает его шею. Все тело напрягается. Кит сжимает и разжимает кулаки, разгоняя кровь в немеющих пальцах.

Когда он подходит к большому перекрестку, по другую сторону дороги царит больший переполох, чем он мог бы ожидать. Вне всяких сомнений, из-за аварии, которую он видел с двадцать пятого этажа.

«Толкатель. Это был Толкатель?»

Зеваки выстроились в полукруг вокруг машины «Скорой помощи», припаркованной у обочины. Полицейские машины тоже уже приехали и стоят тут же. Офицер в форме расспрашивает молодую женщину, стоящую подле минивэна. На ней плащ ярко-красного цвета с неоновым отливом. С первого взгляда ясно, что именно она была водителем, сбившим жертву, но ее поведение неожиданно спокойно. Она ничуть не встревожена, в ее позе и манере держаться нет никаких признаков паники. В ее руке слабо дымится сигарета. Она дерзко смотрит на офицера, на ее лице читается вызов.

– Я никого не сбивала.

– Вы совершенно точно это сделали.

– Этот парень просто выпрыгнул перед моей машиной.

– И вы его переехали.

– Вы не могли бы поскорее с этим закончить? Это очень раздражает.

– Как вы можете так говорить? Человек умер.

– Да? А я умираю от раздражения.

По крайней мере, так Кит представляет себе их диалог.

Перед перекрестком собирается небольшая пробка. Потоку машин приходится перестраиваться в другую полосу, чтобы объехать место аварии, водители начинают безуспешно сигналить, чтобы поторопить впереди стоящих. Сигналы клаксонов раздаются в воздухе, как резкие фразы, брошенные в споре. Многие из собравшихся зевак прижимают к уху свои мобильники. Периодически на соседнем здании загорается огромный цифровой билборд с рекламой газированного напитка, освещая взволнованные лица людей.

Кит достает свой телефон из внутреннего кармана черного кожаного пальто. Набирает номер, который запомнил наизусть.

– Я вас слушаю, – тотчас отвечает голос на другом конце.

Еще один тип, считающий себя настолько важным и знаменитым, что ему не нужно представляться, когда он отвечает на звонок.

– Это Кит, – говорит он коротко.

– А? – Голос звучит неопределенно, как будто его обладателю нужно время, чтобы осмотреться вокруг и убедиться в надежности своего окружения. Затем, спустя несколько мгновений, он продолжает: – Как все прошло?

– Все сделано. Ты можешь организовать обнаружение тела, как тебе будет угодно. Записка на столе. Она для его семьи. – Он диктует номер комнаты.

Услышав это, Кадзи с облегчением выдыхает, как будто его предложение руки и сердца было принято.

– Ты спас мою шкуру. – В его голосе нет и намека на грусть по поводу смерти его личного секретаря, работавшего на него около десяти лет. – Теперь ведь все уладится, верно?

– Я сделал то, что должен был сделать. Остальное – твоя забота.

– А ты уверен, что он написал только своей семье?

– Что?

– Больше ничего не было? Может быть, было что-то еще, что ты забрал с собой?

– О чем конкретно ты говоришь?

– Например, письмо прессе.

Кит некоторое время хранит молчание. Этот тип, Кадзи, еще более малодушен, чем он себе представлял. Едва его проблема решена, как он видит другую проблему – и тут же начинает психовать. Такой уж он человек: тупой, неприятный, беспокойный. Кит готов иметь дело с тупыми и неприятными людьми, но беспокойные могут устроить неприятности.

– Какие я могу получить гарантии, что ты никому об этом не расскажешь? – продолжает давить Кадзи.

– Я занимаюсь этим пятнадцать лет. Тебе придется мне довериться. Или поинтересуйся у того парня, который нас познакомил.

– Но как я могу быть уверен в том, что ты не станешь меня этим шантажировать? Откуда мне знать, что ты не предашь меня?

Кит отключается, не ответив. «Вот же заноза», – думает он. Подозрительные, малодушные людишки вроде него все время суетятся, пытаясь почувствовать себя в безопасности. Они не умеют строить долгосрочные планы и разрабатывать стратегию; они просто реагируют, когда что-то уже случилось, бесконечно пытаясь исключить неопределенность. Но никогда не успокаиваются, потому что поводы для беспокойства бесконечно множатся.

Сигнал светофора на переходе переключается на зеленый, и Кит делает шаг на перекресток вместе со всеми остальными ожидавшими на обочине пешеходами. Толпа выплескивается на проезжую часть, люди спешат и обгоняют друг друга, пытаясь занять наиболее удобную позицию, – это немного напоминает маневры на поле боя. Кит переходит дорогу и сворачивает направо. Вход в метро с другой стороны расположен ближе, но он просто движется вместе с потоком людей.

– Кто-нибудь видел, что произошло?

Кит оборачивается на раздающийся поблизости женский голос. Молодая женщина с короткой стрижкой, с его стороны дороги. Она стройная, но ощущение от нее внушительное, и ее голос звучит жестко и грубо, когда она обращается к проходящим мимо людям.

– Никто ничего не видел?

Потоки света от уличных фонарей, неоновых вывесок и полицейских маячков бросают розовые и красные отсветы на ее бледное лицо.

– Эй, ты! Ты что-то видел?

Она стоит прямо перед Китом. На ее губах непринужденная улыбка, как будто они уже давно друг с другом знакомы, но в глазах с азиатским разрезом словно что-то затаилось. Ее ярко-красные губы извиваются на ее мертвенно-белом лице, как два слизня.

– Что я должен был видеть?

– Только что произошедший несчастный случай. Одного из моих коллег сбила машина. Так ты что-нибудь заметил?

– Не знаю, что ты имеешь в виду под «чем-нибудь».

– Ты видел того, кто его толкнул?

Это немного выводит Кита из равновесия, но он мгновенно берет себя в руки. В его голове пульсирует кодовое имя: «Толкатель».

– Нет, – говорит он глухим голосом.

Вспоминает сцену, которую наблюдал из окна отеля. Однако не чувствует необходимости об этом ей рассказывать. Человек выскочил на проезжую часть, другой человек прошел за его спиной. «Так это все-таки был Толкатель».

– Я никого не видел.

Она сжимает челюсти и пристально смотрит на Кита.

– Хорошо, ладно; если что-нибудь вспомнишь, свяжись со мной, ладно?

И настойчиво протягивает ему визитную карточку.

Он смотрит на карточку. На ней написано название фирмы. «Фройляйн». Губы Кита кривятся в ухмылке. Он знает эту контору.

– Так ты работаешь на Тэрахару?

– Ты знаешь директора? Тогда тебе должно быть что-то известно о несчастном случае. Ну же!

– Толкатель, – медленно произносит он, желая ее проверить.

Она приподнимает бровь.

– Так ты тоже знаешь о Толкателе?

Подается вперед и пытается схватить его, но он отбивает ее руку.

* * *

По мере того как Кит спускается по лестнице в метро, уличный шум стихает. Он проходит через турникеты, затем на платформу. Смешивается с потоком других пассажиров. Вскоре прибывает поезд, выкрашенный в желтый цвет. Удачно совпало: человек, сидевший на крайнем месте, выходит, и Кит занимает его место. Пьяная женщина, сидящая по соседству, раздраженно таращится на него, как будто собираясь устроить склоку, но, оценив его рост, отворачивается.

Он вытаскивает из внутреннего кармана своего костюма книгу и открывает ее на закладке. Читает сцену, которую читал уже множество раз. Спустя некоторое время из динамика раздается сообщение о следующей остановке. В это мгновение Кит ощущает, что сиденье напротив начинает дрожать. «Только не снова…» Он с досадой прищелкивает языком. Теперь не только сиденья, но и все окружающее пространство подергивается мелкой рябью, контуры всех предметов размываются. Это не физическая вибрация – нет, это его собственное головокружение. Такое периодически происходит в последние шесть месяцев. Всегда одно и то же. Его зрение затуманивается, потом наступает темнота. А когда зрение возвращается, один из них уже сидит рядом.

Один из них – это призрак кого-нибудь из людей, которых он убил. Они всегда выглядят такими самодовольными, словно никуда и не уходили и постоянно были рядом. Как будто собираются сказать ему: «Вот ты и попался!»

Сейчас происходит то же самое. Когда головокружение проходит и он открывает глаза, на сиденье прямо напротив него сидит женщина.

Все остальные пассажиры исчезли. Они были там всего мгновение назад. Мужчина, читавший газету. Девочка в форме ученицы старших классов, смотревшая на экран своего телефона. Офисный менеджер, который дремал стоя, схватившись рукой за висячий поручень. Все пропали. Единственный человек, которого он видит, – это женщина напротив; ее длинные волосы с перманентной завивкой спускаются крупными локонами, красивые глаза, правильный нос, стильный серый брючный костюм. Она улыбается и застенчиво машет Киту изящной рукой.

Это странное чувство: сидеть напротив кого-то в совершенно пустом вагоне поезда.

Она – ведущая новостей, которую он заставил совершить самоубийство пять или шесть лет назад. Несмотря на то что ее работой было просто сообщать новости по телевидению, у нее было обостренное чувство справедливости, и, когда появлялся сюжет, который вызывал у нее сомнения, она начинала собственное расследование, не обращая внимания на предупреждения от ее начальства, чтобы она держалась подальше. Она была особенно настойчивой, когда дело касалось политиков, пытавшихся прикрыть свои грязные делишки. Политики не любят, когда журналисты суют нос в их дела, даже если им нечего скрывать, – и уж тем более, если им есть что скрывать. Так что, естественно, им хотелось ее проучить.

Но, к сожалению, она не хотела понимать намеков – просто потому, что была немного упрямой. Все уговоры и даже давление приводили только к тому, что ее решимость усиливалась – вплоть до одержимости. В конце концов это стоило ей жизни.

Она рассердила политиков, которых сердить было опасно, и Кит получил заказ.

– В этом весь смысл журналистики, – сказала она ему в номере отеля перед тем, как убить себя. Ее голос дрожал от напряжения, но в ее словах была убежденность. Это был ее манифест. – Я не могу смотреть на то, как нарушается справедливость.

– Справедливость?

– Я выросла на старых японских сказках. Тех, которые показывали по телевизору. Помнишь историю о том, как злого старика настигла кара, а добрый старик был спасен и получил награду? [7 - Речь идет о популярной детской сказке «Груша, вверх! Груша, вниз!».]Это сформировало мое мировоззрение. Так что я не выношу несправедливость.

Кит возразил:

– Но реальность такая, какая она есть. Прямо сейчас ты сидишь здесь, плачешь и пишешь свою предсмертную записку. А какой-нибудь старый политик с двойным подбородком лежит в своей кровати с молоденькой девушкой и смотрит телевизор. Это – единственная реальность. Она не имеет никакого отношения к тому, что нам нравится или не нравится.

Журналистка с ним не согласилась, но в конце концов, когда она посмотрела ему в глаза, то помрачнела, сама накинула на шею петлю – и спустя несколько мгновений покачивалась в воздухе, как маятник.

Теперь же она сидит там и машет ему рукой. Призраки, которые приходят к Киту, на вид ничем не отличаются от обычных людей. Это сбивает его с толку и причиняет страдания.

«Исчезни!» – хочет прокричать он.

Внезапно Кит испытывает сильный приступ боли в животе. Он прижимает ладонь к области желудка, и его тело сгибается пополам. Это не похоже на боль, которая возникает при каком-нибудь заболевании, это больше похоже на ощущение чего-то неправильного где-то здесь, которое невозможно точно определить, – смутная блуждающая боль, словно внутри его тела разверзлась пустота, похожая на подземную пещеру. Он знает, что нет причин паниковать, но ощущает, как паника вползает в его сознание. Неожиданная боль продолжается несколько мгновений, затем постепенно затихает. С каждым подобным приступом боль продолжается немного дольше. И это происходит все чаще. Кит не знает ее причины. Он не собирается обращаться ни к каким врачам, но, если б он это сделал, те тоже не смогли бы определить, что это, – у него такое предчувствие. А если б и определили, то не знали бы, как это вылечить.

«Это твое чувство вины». Голос тихо шепчет ему в правое ухо. Он поднимает взгляд. Лицо ведущей теленовостей совсем близко. Она настоящая красавица. Ее лицо дополняет со вкусом нанесенный макияж. Ее губы все ближе: «Это ведь так?» Он отворачивается, чтобы посмотреть на то место, где она сидела. Теперь там никого нет. «Ты ведь не думал, что сможешь продолжать заставлять людей совершать самоубийства, так никогда и не почувствовав раскаяние, не так ли?»

Кит не отвечает. Ответ – это именно то, чего она хочет добиться. Она – не более чем иллюзия, и в вагоне едут другие люди. Если он начнет беседовать с привидениями, люди решат, что у него проблемы с психикой. Кит вспоминает строчку из книги, которую повсюду носит с собой: «Все это вздор, и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство!» Так молодой русский пытался обмануть самого себя, прежде чем отправиться совершать убийство. «Вероятно, именно это я сейчас испытываю. Просто физическое расстройство».

Он ощущает дыхание женщины на своей щеке. «Тот несчастный случай, который ты недавно видел… Это был Толкатель, не так ли? Это должен был быть он. Ты знаешь это так же хорошо, как я».

Кит едва удерживается, чтобы не прищелкнуть языком. Она – часть его собственной души и знает, куда бить.

«Прости, что рассказываю тебе о старых новостях, но разве однажды давным-давно ты не проиграл Толкателю?»

Он натянуто улыбается, услышав слово проиграл. Нет ничего ничтожнее, чем радоваться и печалиться из-за побед и поражений. Так мог бы сказать разве что ребенок, ведущий счет в игре. «Не говори со мной о Толкателе», – отвечает он ей в своей голове.

«Ты был слаб, и Толкатель превзошел тебя. Может быть, тебе просто стоит бросить эту работу? Может быть, тебе уже пора на покой?» Теперь ее мягкий голос звучит у него в левом ухе, хотя Кит не видел, как она перешла на другую сторону.

«Заткнись. Скажешь еще хоть одно слово – и я убью тебя». Он сохраняет спокойствие, глядя прямо перед собой.

«Я уже мертва, – легко отвечает она, широко улыбается, вдруг придвигается еще ближе и произносит резким тоном: – Это твоя вина».

Его голову словно обдает резкий порыв ветра. Он вздрагивает от внезапного озноба. На несколько секунд крепко зажмуривается, затем вновь открывает глаза.

Женщина исчезла. Мир опять стал нормальным.

Перед ним вновь сидят крепко спящий мужчина в строгом костюме, девочка, полностью поглощенная своим телефоном, пожилая женщина с сердитым выражением лица, мужчина, жадно рассматривающий фотографии моделей в купальниках, перелистывая страницы журнала, оживленно беседующая семейная пара. Все так, как было раньше.

Цикада

Цикада поднимается по пожарной лестнице потрепанного девятиэтажного кондоминиума на южной окраине района Синдзюку. Он проходит витки спирали один за другим, придерживаясь рукой за проржавевшие красные перила.

После завершения работы Цикада провел ночь в городе Мито, затем сел на первый поезд линии Дзёбан, отправлявшийся в Токио. С самого рассвета идет дождь. Не слишком сильный, но достаточный, чтобы дороги промокли и под ногами стало скользко, а листья деревьев в роще за зданием громко шелестели. Нависшие над крышами темно-серые облака расчерчены волнистыми линиями и похожи на могучие мышцы. Они затянули все небо над городом, но вдалеке в них виднеется просвет.

Он идет по переходу на шестом этаже, засунув руки в задние карманы джинсов.

Сцены из фильма, который он смотрел прошлой ночью, все еще крутятся у него в голове. Цикада нашел его на одном из каналов кабельного телевидения после того, как завершил работу в доме в Мито.

«Притеснение» Габриэля Кассо[8 - Вымышленный фильм вымышленного режиссера.]. Он никогда раньше не слышал про этого режиссера, и название фильма ни о чем ему не говорило.

Цикада почти уже переключил канал, когда фильм начался, но по какой-то причине продолжил просмотр и вскоре увлекся так, что не мог оторваться – и досмотрел до конца.

Фильм рассказывал короткую историю жизни юноши из Франции, потерявшего обоих родителей в результате несчастного случая. Каждое утро без выходных этот юноша разносит стопку газет по всему городку, бегая по улицам, как крыса в запутанном лабиринте.

Становясь старше, он совершенствует свой способ доставки, сначала обзаведясь велосипедом, а затем пересаживаясь с велосипеда на мотоцикл. В фильме было

не очень много диалогов, но становилось ясно, что больше всех на свете юноша презирает своего начальника, хозяина газетного магазина. Все, что делает жирный начальник, это посылает молодого человека с различными поручениями, а сам постоянно бездельничает.

Юноша беден, и, когда он однажды влюбляется, девушка бросает его; его сердце оказывается разбито, и его дни тянутся один за другим унылой чередой. Хозяин с каждым днем становится все хуже. Он смотрит на юношу свысока, давая ему бессмысленные указания, а иногда даже бьет его. Он почти не платит ему, а когда все же делает это, то швыряет конверт с зарплатой ему под ноги. Всякий раз, когда он так поступает, юноша сердится и говорит, что хозяин магазина должен выдавать ему оплату как полагается.

В конце концов юноша приходит в магазин с ножом, чтобы убить хозяина. В той сцене начальник говорит ему: «Ты – моя марионетка».

Юноша в ярости, но тут он внезапно обнаруживает, что к его телу привязаны нити – те самые нити, с помощью которых управляют марионеткой.

«Марионетка на ниточках, – мягко говорит хозяин магазина. – Смерть твоих родителей, твоя любовь и твое разбитое сердце, даже само твое рождение – результат того, что я все это время дергал за ниточки. Теперь ты это видишь, марионетка?» Он глумливо смеется над бедным юношей.

Сначала тот тоже смеется, потом смертельно бледнеет, потом кричит. Но вместо настоящего крика из его рта раздается кукареканье. Поняв, что это тоже проделки хозяина магазина, он впадает в отчаяние. Размахивает ножом, пытаясь во что бы то ни стало отрезать нити от своего тела, пока его не забирают в сумасшедший дом. В конце юноша лежит на больничной койке, бормоча: «Я буду хорошей марионеткой, только позволь мне быть свободным».

История была довольно мрачная и депрессивная. Кажется, она получила какую-то награду на французском или итальянском кинофестивале. Большей частью фильм был черно-белым, но время от времени – видимо, чтобы отразить состояние души главного героя, – в нем появлялись кадры, залитые синим светом. Этот эффект производил сильное впечатление.

Когда фильм закончился, Цикада почувствовал себя странно расстроенным. У него было неприятное чувство, что ему только что показали историю его собственной жизни.

– Это не имеет ко мне никакого отношения! – сказал он вслух, чтобы услышать собственные слова. Однако это как нельзя лучше доказывало, что фильм действительно его задел.

В финальной сцене хозяин магазина подносит ко рту банку с пивом, глядя на юношу, лежащего на больничной койке. «Потому что я волен делать все, что мне нравится». Он делает глоток, затем смеется. В это мгновение Цикада увидел похожее на морду богомола лицо Иваниси, наложенное поверх лица хозяина магазина. На него накатило недомогание.

Теперь он идет быстрым шагом по переходу на шестом этаже здания. На закрытый деревьями задний фасад никогда не падают солнечные лучи. Там царит постоянная темнота и пахнет плесенью. На полу перехода в стороне лежат три мертвых гигантских шершня. «Погибли от плесени», – безо всяких оснований заключает про себя Цикада. Несмотря на то что шершни мертвы, их черные и желтые полосы вызывают ощущение смутной угрозы. «Тигры, гигантские шершни – когда черный и желтый вместе, всякий будет повержен», – напевает Цикада. Затем он вспоминает, что слышал о наемном убийце с кодовым именем Шершень. «Шершень звучит круче, чем Цикада».

Он подходит к комнате под номером 603 и нажимает на кнопку звонка. Ответа нет, но Цикада поворачивает круглую дверную ручку и заходит внутрь. Он знает, что если дверь не заперта, значит, Иваниси не выйдет поприветствовать его.

Двухкомнатная квартира [9 - Имеется в виду специфическая для Японии планировка 2LDK: кухня, столовая и гостиная располагаются в общем пространстве, также имеются две комнаты (обычно одна в японском, другая в европейском стиле, либо две комнаты в европейском стиле) и раздельный санузел. Такая планировка часто используется в жилых комплексах.]совсем не выглядит так, будто ей уже двадцать лет. Возможно, благодаря тому, что придирчивый Иваниси содержит ее в идеальной чистоте – от напольных ковров, ванной и туалета до стен и потолка. Джек Криспин говорил: «Чистота твоего жилища отражается даже на состоянии твоего тела». Какая нелепость…

– Йоу! – Иваниси бросает взгляд на Цикаду и делает приветственный жест рукой, сложив пальцы в кулак.

Комната площадью примерно в двенадцать татами[10 - Примерно 19,5 м

.], пол застлан ковром. Возле окна стоит стальной стол, который выглядит так, будто его украли из учительской в начальной школе. На нем нет ничего, кроме телефона, компьютера и бумажной карты. Иваниси сидит в кресле, закинув ноги на стол. На мгновение Цикада видит его в образе хозяина газетного магазина из «Притеснения» – и вздрагивает от удивления. Затем его охватывает раздражение, и он прищелкивает языком:

– Тц!

Перед столом стоит большой черный диван. Цикада садится на него.

– Судя по всему, ты справился на отлично…

Иваниси складывает пополам газету и швыряет ее в сторону Цикады. Газета падает ему под ноги. Он смотрит вниз, но не поднимает ее.

– Что, уже напечатали?

– Сам посмотри.

– Пф, да какая разница!

Это не имеет никакого значения. «Целая семья жестоко убита», «Кровавое преступление под покровом ночи» – всегда одни и те же заголовки и одни и те же статьи. Один и тот же почерк, постоянное обсуждение социальных проблем и язв общества.

Разумеется, когда Цикада только начал заниматься этой работой, он постоянно проверял, как это будет отражено в газетах и телевизионных новостях. Он увлеченно искал эти упоминания, как спортсмен, собирающий статьи и заметки о соревнованиях, в которых он принимал участие. Но все это быстро приелось. В

статьях никогда не писали ничего важного, и Цикада устал читать приметы подозреваемых, которые не имели никакого отношения к делу.

– Как бы то ни было, – он поднимает глаза на Иваниси, – почему бы тебе не подойти к твоему маленькому компьютеру, не подсчитать цифры и не отдать мне мою долю? И научись уже наконец говорить мне «спасибо» за мой труд.

– С чего это ты вдруг разговариваешь со мной, будто ты крутой, а? – Иваниси пожимает плечами и качает головой. Подбородок у него маленький и заостренный, прямо как у богомола; запястья напоминают тонкие веточки, торчащие из рукавов. – Если называть вещи своими именами, то ты – работник, а я – твой босс. Ты – пехотинец, а я – офицер, отдающий приказы. Приходя ко мне и разговаривая таким тоном, ты можешь лишиться работы, а то и собственной головы. Так что либо ты будешь безработным, либо мертвым. Что выберешь, а?

– Тогда почему бы тебе не попробовать это сделать? Давай, действуй. Как будто ты на это способен… Без меня у тебя ничего бы не было.

– А если б у тебя не было меня, то у тебя не было бы работы.

– Я и в одиночку отлично справился бы.

– Дурачок, просто убийствами денег не заработаешь. Ты хотя бы знаешь, как все это устроено? – Иваниси указывает на Цикаду пальцем. – Сначала я получаю от кого-то запрос, потом веду переговоры, затем провожу предварительное расследование. Самая важная часть работы – это подготовка. Когда собираешься выпрыгнуть из тоннеля, сначала посмотри себе под ноги.

– Как говорил Джек Криспин.

– Вот именно.

Цикада вздыхает. «Все твои тупые умные высказывания принадлежат Джеку Криспину».

– Слушай, я все хотел спросить: что за музыку играл этот засранец? Панк? Фри-джаз? – Цикада неплохо знает большинство старых рок-групп, но никогда в

жизни не слышал о Джеке Криспине. Иногда он размышляет о том, существовал ли Джек Криспин на самом деле или Иваниси его выдумал.

– Криспин был первым, кто написал, что не хочет жить так, будто он уже умер. Все остальные исполнители просто украли у него эту идею. И он также был первым рок-музыкантом в истории, кто бросил в публику медиатор от своей гитары.

– А это не он, случайно, открыл электричество и изобрел телефон?

– Есть такая вероятность.

– Хорош чушь пороть.

– Так или иначе, наша работа требует расследований. Почему бы тебе просто не попытаться убить кого-нибудь, основываясь исключительно на той информации, которую тебе предоставит клиент? Ты сразу же попадешь под подозрение, и тебя схватят за покушение на убийство. Вот почему нужно уделять много внимания таким вещам, как время и место. Выяснить про цель все, что возможно. И я все это делаю.

– Цель. Вовсе не обязательно употреблять такие слова, чтобы показаться крутым, – лицо Цикады мрачнеет, он натянуто улыбается и прищелкивает языком. – Они – жертвы. Просто жертвы. А никакие не «цели».

В комнату с улицы врывается раскатистый голос из громкоговорителя. Это пламенная речь одного из кандидатов на предстоящих выборах в палату представителей. Трудно понять, что именно он говорит, но понятно, что оратор призывает поддержать свою кандидатуру. Когда Иваниси его слышит, угрюмое выражение его лица светлеет и он тут же заводит разговор о политике:

– Ты собираешься голосовать за правящую партию?

– Я не хожу на выборы.

– Да тебе вообще известно, через что пришлось пройти нашим предкам в далеком прошлом, чтобы у тебя было право голоса?! Сколько им для этого

пришлось потрудиться?! – мгновенно заводится Иваниси; через его сжатые зубы вылетают капельки слюны.

– Плевать я на это хотел. Давай мне мои деньги.

Иваниси не отвечает. Вместо этого он поворачивается к своему компьютеру и принимается печатать.

Цикада оглядывает комнату. Прошло три месяца с тех пор, как он последний раз приходил сюда. На белых стенах нет никакого декора или украшений. Никаких шкафов и книжных полок.

– Не привез мне никаких хороших закусок из Мито? – спрашивает Иваниси, не отрываясь от клавиатуры.

– Иди к черту.

– Мог хотя бы натто [11 - Натто («хранящиеся бобы») – традиционная японская еда, произведенная из сброженных соевых бобов. Особенно популярна на завтрак. Обладает специфическим запахом и сладко-соленым вкусом с горчинкой, а также липкой, тягучей консистенцией.]мне привезти. Не догадался, да?

– Послушай-ка, – Цикада в раздражении поднимается с места, – я ездил туда по работе. И, как бы тебе это повежливей сказать, я пришел в чей-то дом посреди ночи и убил всю семью, так что это была довольно серьезная работа. Все равно что попросить грузчика перенести что-нибудь тяжелое из квартиры на верхнем этаже небоскреба, в котором нет лифта. К тому же в такое время суток все магазины все равно были закрыты. Мне было негде провести ночь, так что я просидел все это время в манга-кафе [12 - Манга-кафе – кафе в Японии, где можно почитать мангу – «японские комиксы». Посетитель платит за время пребывания, то есть примерно от 300 до 500 иен за час. В большинстве случаев также предоставляется доступ в интернет, как в интернет-кафе, – и наоборот, в интернет-кафе часто стоят книжные полки с мангой, поэтому в Японии эти два понятия взаимозаменяемы.]возле станции. Когда я, по-твоему, должен был пройтись по магазинам и купить для тебя сувениры?

– Манга-кафе? – в голосе Иваниси появляются резкие нотки. – Ты ведь не показал им свое удостоверение личности?

– Показал, но не мое. Ты в курсе, что Мито – это не так уж далеко от Токио; так что если так мечтаешь о натто, то поезжай туда сам и купи все, что тебе захочется.

Цикада садится обратно на диван и прикрывает глаза. Ему нужно успокоиться. Ему хочется еще поразмышлять о французском мальчике из фильма. Худой, в потрепанной одежде, каждое утро разносящий газеты и постоянно твердящий о том, как он хочет быть свободным. «Я не такой, как он», – говорит себе Цикада. Его внезапно охватывает слабость, и он чувствует, что вот-вот уснет. Вместо этого чуть наклоняется вперед, упирается локтями в колени и, поддерживая подбородок ладонью, собирается на некоторое время отключиться.

Цикада уже почти задремал, как вдруг слышит глухой звук. Открыв глаза, он видит на полу – чуть левее его ноги – конверт. Открытый конверт с высыпавшимися из него наличными.

– Почему бы тебе, например, не дать мне его в руки, как положено? – Цикада встает на ноги и поднимает конверт. Проверяет его содержимое. Он не пересчитывает банкноты, но замечает, что их три пачки. – Знаешь, я тут подумал, что три миллиона иен за убийство такого количества людей – не очень справедливая сумма.

– Ты считаешь, что это слишком много, и тебе неловко?

– Я тебя убью, гад! – выплевывает в ответ Цикада.

Иваниси хихикает.

– Нельзя шутить, когда говоришь об убийствах людей.

– Говорю тебе, три миллиона – это недостаточно.

– Если у тебя какие-то проблемы, я найду кого-нибудь другого, чтобы он выполнял заказы. Найдется немало отморозков, которые будут рады убить кого-

нибудь за сотню тысяч.

– Любому, кто готов пойти на такое, ты не сможешь доверять. Вот почему тебе нужен я.

– Не хочу больше этого слышать. Ты можешь жить на это целый год. – Иваниси берет со стола ушную палочку и принимается ковырять ею в ухе.

– И, кстати, ты мог бы по крайней мере предложить мне чаю или чего-нибудь еще, это не так уж сложно, – ворчит Цикада.

Он был уверен, что Иваниси в ответ на это огрызнется, но тот неожиданно отправляется на кухню и возвращается с чашкой, которую вручает Цикаде.

– Если черный чай тебя устроит, то угощайся. Другого у меня все равно нет.

Цикада бормочет слова благодарности и делает глоток. Затем дует в чашку, и по поверхности чая идет мелкая рябь.

– Наверное, было сложно заварить чай так слабо.

– Ничего особенно сложного, – говорит Иваниси самодовольно, усаживаясь обратно за свой стол. – Так всегда происходит, когда используешь один и тот же чайный пакетик четыре или пять раз.

– Да ладно, – Цикада снова дует на чай, на этот раз чуть сильнее, – это же дешевый черный чай, который продается в любом супермаркете. После того как ты заваришь его четыре или пять раз, его и чаем-то назвать нельзя. Это что-то вроде пустой скорлупки от чая. Все равно как линная [13 - Т. е. после линьки.]шкурка цикады. Не будь таким жадюгой; ты и так забираешь все деньги, которые я для тебя зарабатываю.

– Ты, дурачок, и впрямь похож на цикаду. Никак не перестанешь стрекотать и верещать.

– Ты мог бы, по крайней мере, давать мне какую-нибудь информацию.

– Что ты имеешь в виду, какую еще информацию?

– Например, о той работе прошлой ночью. Почему я их убил? – Он вспоминает лицо протестовавшей до последнего домохозяйки средних лет. – Я же не дурак, как ты обо мне думаешь. Я в этом разобрался. Это было из-за того бездомного мужика, верно? Парень из этой семьи сжег бездомного заживо.

– Бездомного? Поджег? О чем ты вообще толкуешь? – Теперь раздраженным выглядит Иваниси, в его голосе появляются жесткие нотки. – Тебе это что, так важно?

– Нет, конечно, я не то чтобы зациклен на этом. Но, знаешь, если кто-то каждый день ходит на реку – например, на рыбалку или чтобы белье прополоскать, – рано или поздно ему станет интересно, откуда течет река, как ты считаешь? Разве нет? Что происходит выше по течению, откуда берется вода… Ему захочется это выяснить. Я бы, по крайней мере, хотел знать, кто заказал эту работу.

– Иногда ты поднимаешься к истоку реки и обнаруживаешь, что она вытекает из гигантской водосточной трубы. И это тебя расстраивает. Разве не лучше просто оставаться ниже по течению, жить своей жизнью и радоваться, не зная всего? Может быть, стоит поступить именно так… Чем меньше знает двадцатилетний юноша, тем он счастливее.

– Ну да, ну да, – Цикада пренебрежительно машет рукой, как бы отметая в сторону слова Джека Криспина.

– Слушай, – тон Иваниси резко меняется, – мне вот тоже все было любопытно… о чем ты думаешь, когда делаешь это? Когда ты кого-то убиваешь?

– Что это за вопрос такой?

– Когда убиваешь, ты думаешь об оправдании того, что ты делаешь? Обоснованности этого?.. Ты молишься? Твердишь про себя имя будды Амиды?

– Зачем бы я стал делать что-то из этого?

– Так ты просто убиваешь людей, ни о чем не задумываясь?

«Он мне только сейчас задает этот вопрос?» Это все равно что кетчер спрашивал бы питчера[14 - Питчер (подающий) – в бейсболе ключевой игрок обороны, который бросает мяч (совершает подачу) с питчерской горки к домашней базе, где эту подачу принимает кетчер и пытается отбить бьющий из команды нападения противника.], какие подачи тот умеет делать, – после того как они уже несколько лет отыграли в одной команде. Цикада чувствует себя сбитым с толку неуместностью вопроса, но пытается подобрать подходящий ответ.

– Я не особенно сообразителен, так что с детства научился уходить от сложных вопросов. В школе, например, это были математические теоремы и английская грамматика. Даже если наши учителя все подробно расписывали на доске, я все равно ничего не мог понять из их объяснений. Так что я просто, как бы это сказать, отключал свой мозг. Думаю, в этом случае я делаю то же самое. Я не рассуждаю о том, хорошо это или плохо – убить кого-то. Это моя работа, и я ее делаю. Вот и всё. Это все равно как, ну, когда свет переключается.

– Свет? Какой свет?

– Например, когда ты за рулем и желтый сигнал светофора вот-вот сменится красным. Ты не задумываешься об этом – просто выжимаешь педаль газа и едешь.

– Да. И иногда машина за тобой делает то же самое, что всегда меня удивляло.

– Ну да. И, может быть, время от времени ты неправильно рассчитываешь время и останавливаешься прямо посреди перекрестка. Тогда твоя машина перекрывает движение. И ты чувствуешь себя немного неловко из-за этого, верно?

– Да, думаю, такое со мной происходило.

– Ну вот, что-то такое и со мной случилось.

– В смысле?

– Когда перегораживаешь дорогу, ты чувствуешь себя неловко. Но в этом нет ничего страшного. Ты просто пожимаешь плечами и признаешь, что был неправ. «Я вам тут немного мешаю, что ж поделать, извините». То же самое я чувствую относительно убийств. В любом случае, все, кого мне пришлось убить, были, как выясняется, довольно раздражающими людьми. Они были шумными, тупыми и эгоистичными, лезли не в свое дело. Нет нужды сожалеть об убийстве подобных существ.

– Знаешь, а у тебя талант! – Иваниси разражается визгливым смехом, как будто он пьян.

Судзуки

Судзуки поправляет воротник своей куртки. «Вечно у тебя воротник загнут», – говорила обычно жена, оглядывая пиджак его рабочего костюма. Он представляет себе ее лицо. Делает глубокий вдох и смотрит на свои наручные часы. Сейчас одиннадцать часов утра; прошло примерно двенадцать часов с того момента, как он стал свидетелем того, как машина сбила сына Тэрахары. Небо затянуто облаками. Сыплет мелкий затяжной дождь – поэтому, должно быть, на улице так мало людей, хотя сегодня суббота. Он находится в жилом районе на южной окраине Токио. Дорожные указатели тут и там сообщают ему, что это городок под названием Нэтодзава. «Нэтодзава парктаун».

В зоне для сбора мусора в стороне от тротуара громоздятся мусорные мешки. Капли дождя со стуком ударяются о черный пластик. Судзуки ощущает запах сырости – это запах дождя, к которому примешивается слабая вонь мусора, просачивающаяся сквозь мешки.

Он делает медленный вдох и выдох. «Я просто должен это сделать. Как ты всегда мне говорила».

Хиёко позвонила ему накануне в час ночи.

– Где ты?

– Я только что вернулся к себе домой.

– Лгать мне – плохая идея, – резко бросила она в ответ. – Я сейчас как раз возле твоего дома. Так где ты на самом деле?

Он находился в бизнес-отеле в городе. Пятиэтажное здание, старое, дешевое, и сервис и чистота там оставляли желать лучшего.

– Чем ты там занимаешься? Что ты задумал? Где ты? Ты узнал, где живет этот тип? Тут большой переполох.

– Большой переполох?

– Тэрахара в бешенстве. Он собрал всех сотрудников, орал на них, требовал найти ублюдка, который это сделал! Его можно понять, ведь погиб его сын… Эй, ты же не упустил этого парня, ведь нет?

Он мгновение поколебался, мучительно раздумывая, как лучше ответить.

– Я выяснил, где он живет. Я проехал на метро от станции «Фудзисава-Конготё» до «Синдзюку». Потом пересел. Потом доехал до конечной станции.

– До конечной станции какой линии? – Хиёко задавала вопросы так, будто выпускала стрелы. – Что это за станция?

Судзуки едва не ответил по инерции, но остановил себя:

– Не сейчас.

– Не сейчас?

– Я пока не могу тебе сказать.

– Что это значит? Какого черта? – В голосе Хиёко заклокотала ярость. – Ты что, дуру из меня хочешь сделать?

– Я все еще не уверен, что человек, которого я преследовал, действительно преступник.

– Так скажи мне адрес. Мы быстро разберемся, преступник он или нет.

– Каким образом?

– Кое-кто из сотрудников «Фройляйн» навестит его и расспросит.

Судзуки мгновенно парировал:

– Так не пойдет. Они просто выбьют из него признание.

У него не было никакого сознательного расчета или плана действий; он говорил по наитию и с нажимом повторил:

– Мне это отвратительно. Так не пойдет.

– Ну, если он сразу же скажет, что это сделал он, ничего такого не будет, – но в противном случае, да, думаю, они над ним немного поработают.

У него было ощущение, что «немного» было гораздо больше, чем немного. Скорее всего, после этого человек едва ли выживет.

– Нет. Я на это не согласен.

– Ты хоть отдаешь себе отчет, в каком ты положении? Если не скажешь мне прямо сейчас, где Толкатель, ты об этом пожалеешь.

– Но мы даже не уверены в том, что он – Толкатель. Это мог быть просто несчастный случай.

Это могло быть даже самоубийство, хотя вероятность подобного, конечно, была очень низкой.

– Парни, которые находились с сыном Тэрахары, говорят, что это точно не было несчастным случаем. Кто-то его толкнул. И это была работа профессионала. А это значит, что это был Толкатель. Эй, ты же не думаешь, что сможешь сбежать от нас, не так ли?

– Чего я не думаю, так это того, что профессионал мог бы так легко позволить себя вычислить.

– Возможно, он просто допустил ошибку. Только и всего.

– Ну, сейчас я… – сказал Судзуки в отчаянии, – сейчас я могу сбежать. Я больше не в твоей машине. И ты не держишь меня на прицеле своего пистолета. Никто не знает мое местонахождение.

– Если ты не скажешь мне, кто-нибудь из нашей компании все равно рано или поздно найдет его. У нас серьезная информационная сеть. Толкатель? Зная его кодовое имя, мы с легкостью его разыщем.

– Так почему бы вам просто не сделать это?

– Потому что я предпочла бы покончить с этим прямо сейчас, – Хиёко говорила так, будто речь шла о сексе на одну ночь.

– Нет.

– Ну хорошо, – ее голос заметно повеселел. – Поняла тебя.

Этот беззаботный тон еще больше встревожил Судзуки.

– Если это твое последнее слово, то я просто убью этих двоих.

– Этих двоих?

– Ну, ты же сам знаешь, парня и девчонку на заднем сиденье машины. Они кажутся такими милыми – спят там себе, ни о чем не подозревают… Молодой парень и юная девушка, у которых вся жизнь впереди.

Судзуки мгновенно представил себе лицо своего бывшего ученика. «Вот видите, сэнсэй, я тоже могу сделать что-то хорошее». Его улыбку, то, как он смущенно ерошил рукой волосы… Отчего-то он был очень похож на парня, лежащего сейчас на заднем сиденье ее машины.

– Это ведь… – начал Судзуки, стараясь не показывать, насколько это на него подействовало. – Что даст тебе это убийство?

– Я же уже говорила тебе: если ты не будешь сотрудничать, я их убью, – сказала Хиёко так же легко, как могла бы рассуждать о том, что она ела сегодня на обед.

– Но они не имеют ко мне никакого отношения.

– Так значит, ты не расстроишься, если с ними что-то произойдет? – То, как она это говорила, подразумевало, что Хиёко возлагает всю вину и ответственность на Судзуки – и не только за это, а вообще за все несчастья в этом мире.

– Я не позволю этому произойти. – Едва он произнес это, в его голове – где-то в самой глубине его сознания – возникли сами собой слова его ученика: «Спасибо, что не списали меня со счетов, учитель».

Так сказал ему тот ученик, придя в учительскую в день выпускной церемонии. Он стоял перед Судзуки, почтительно склонив голову, и произнес эти слова: «Спасибо, что не списали меня со счетов».

– Немедленно говори мне, где ты находишься.

– Тебе придется подождать. Я проследил за этим человеком до самого его дома. Пока не соберу неопровержимых доказательств, я ничего не стану тебе рассказывать.

В то мгновение, как Судзуки сделал свой окончательный выбор, у него появился план, как выиграть время. Нельзя ни соглашаться с ней, ни отказываться. Нужно как можно дольше тянуть с окончательным ответом.

– Неопровержимых доказательств?

– Я должен выяснить, действительно ли этот человек толкнул Тэрахару-сана.

– Все это прекрасно могут выяснить сотрудники нашей компании.

– Нет, это моя забота.

– И каким образом ты собираешься действовать?

– Завтра я посещу его дом.

– Тебе бы стоило посетить его уже сегодня. Если б ты позвонил ему в дверь и сказал с порога: «Ты, должно быть, Толкатель?» – то по его реакции все сразу стало бы ясно.

– Уже поздняя ночь, так что я решил этого не делать. К тому же, судя по всему, у него есть ребенок.

Судзуки вспомнил облик дома, к которому его привела слежка за предполагаемым профессиональным убийцей. Рядом с цветочными горшками, выставленными на веранде, был припаркован детский велосипед и лежал футбольный мяч.

Теперь он вновь стоит перед этим домом, вернувшись в город Нэтодзава. Непохоже было на то, чтобы за ним кто-то следил.

Отдельно стоящий двухэтажный дом, стены выкрашены светло-коричневой краской. Крыша плоская, как большая доска, уложенная на опоры. Занавески в окнах задернуты, так что он не может увидеть того, что происходит внутри. Двор окружен бетонным забором, мокрым от дождя, над забором протянулись ветви дзелькв[15 - Дзельква или зельква (Zelcova serrata) – род деревьев семейства Вязовые.], стебли вьюнков оплетают почтовую тумбу, стоящую возле ворот. На стене висит ящик для писем, почерневший от грязи и ржавчины. Дождь громко стучит по крыше, и слышно, как шумит вода, переполнившая водостоки.

Через щель в воротах Судзуки может разглядеть плоские камни дорожки, пересекающей маленький сад и ведущей к дому. Он наклоняет свой зонт за

спину, чтобы не мешал, и сощуривается, но не может разглядеть таблички с фамилией возле двери.

Сбоку от ворот есть кнопка звонка. Он смотрит на нее. Протягивает к ней палец. У него подкашиваются ноги.

Он поднимает взгляд. На балконе второго этажа вывешена детская рубашка. «Почему они не забрали ее в дом из-за дождя?» Затем он замечает, что навес крыши над балконом достаточно длинный, чтобы рубашка не намокла.

«В этом доме есть ребенок. Человек, который здесь живет, – профессионал по кличке Толкатель. У Толкателя есть ребенок. Семья.

Быть этого не может».

Сцена, произошедшая на перекрестке перед станцией «Фудзисава-Конготё» прошлой ночью, вновь проигрывается в его памяти, как фильм в замедленной съемке. Он представляет себе худощавого мужчину, который стремительно прошел за спиной сына Тэрахары. Дождь почти прекратился. Судзуки выставляет раскрытую ладонь из-под зонта, чувствует, что капли больше не падают, и складывает зонт. Затем еще раз окидывает дом внимательным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В романе К.?Исаки «Поезд убийц» компания Тэрахары называлась именно «Рэйдзё». – Здесь и далее прим. пер.

2

В японском прочтении имя этого персонажа звучит как «Кудзира».

3

«Побережье» (англ.), созвучно со словом suicide – «самоубийство».

4

Чарльз «Чарли» Паркер (1920–1955) – американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп. Наряду с Луи Армстронгом и Дюком Эллингтоном считается одним из самых влиятельных музыкантов в истории джаза.

5

В японском прочтении имя этого персонажа звучит как «Сэми».

6

Жан-Люк Годар (1930–2022) – франко-швейцарский кинорежиссер, кинокритик, актер, сценарист, монтажер и кинопродюсер, стоявший у истоков французской новой волны в кинематографе. Его фильмы 1960-х гг. оказали революционное влияние на мировое киноискусство.

7

Речь идет о популярной детской сказке «Груша, вверх! Груша, вниз!».

8

Вымышленный фильм вымышленного режиссера.

9

Имеется в виду специфическая для Японии планировка 2LDK: кухня, столовая и гостиная располагаются в общем пространстве, также имеются две комнаты (обычно одна в японском, другая в европейском стиле, либо две комнаты в европейском стиле) и раздельный санузел. Такая планировка часто используется в жилых комплексах.

10

Примерно 19,5 м

.

11

Натто («хранящиеся бобы») – традиционная японская еда, произведенная из сброженных соевых бобов. Особенно популярна на завтрак. Обладает специфическим запахом и сладко-соленым вкусом с горчинкой, а также липкой, тягучей консистенцией.

12

Манга-кафе – кафе в Японии, где можно почитать мангу – «японские комиксы». Посетитель платит за время пребывания, то есть примерно от 300 до 500 иен за час. В большинстве случаев также предоставляется доступ в интернет, как в интернет-кафе, – и наоборот, в интернет-кафе часто стоят книжные полки с мангой, поэтому в Японии эти два понятия взаимозаменяемы.

13

Т. е. после линьки.

14

Питчер (подающий) – в бейсболе ключевой игрок обороны, который бросает мяч (совершает подачу) с питчерской горки к домашней базе, где эту подачу принимает кетчер и пытается отбить бьющий из команды нападения противника.

15

Дзельква или зельква (Zelcova serrata) – род деревьев семейства Вязовые.

Купить: https://tellnovel.com/isaka_kotaro/kuznechik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити